

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ Г.О. САМАРА
«САМАРСКАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»

СБОРНИК

творческих работ
победителей конкурса

«ПИШУ В СТИЛЕ ШУКШИНА»

САМАРА

2021

Дорогие друзья!

В 2021 году в рамках проекта «Талант высокой простоты» Самарской муниципальной информационно-библиотечной системы состоялся международный конкурс творческих работ «Пишу в стиле Шукшина». Конкурс проводился по двум номинациям: «Шукшинский стиль» и «Фанфик по произведению В.М. Шукшина».

Участниками Конкурса стали 80 авторов из регионов России: городов Санкт-Петербург, Москва, Пермь, Пенза, Новосибирск, Барнаул; Вологодской, Архангельской, Омской, Калужской, Брянской, Ростовской, Кемеровской, Волгоградской, Самарской, Тульской областей, Республик Крым, Башкортостан и других.

Представленные на конкурс работы уникальны, но их объединяет одно: присутствие «шукшинского» духа и стиля. В данном сборнике представлены авторские работы победителей конкурса.

Сборник творческих работ победителей конкурса «Пишу в стиле Шукшина» / МБУК г.о. Самара «СМИБС» филиал Библиотека № 23; составитель Е.Г. Кудряшова; дизайн Е.Ю. Расторгуева. — Самара, 2021. — 42 с. — Текст: непосредственный.

СОДЕРЖАНИЕ

Номинация «Шукшинский стиль»

1 место

Кречмер Анна Николаевна «В Москву».....2

2 место

Давлетова Марианна Маратовна «Нелюбимая».....10

2 место

Смирнов Михаил Иванович «Сердце матери».....13

3 место

Ассель Галина Георгиевна «Никто за язык не тянул...».....16

Номинация «Фанфик по произведению В.М. Шукшина»

1 место

Зенцова Анна «Да светится имя твоё!».....18

Номинация «Шукшинский стиль»

Диплом «За создание ярких, народных образов»

Попов Артем Васильевич «Дурик».....21

Диплом «За создание ярких народных образов»

Шупикова Анна Николаевна «Лукич».....23

Диплом «За создание ярких народных образов»

Суслова Александра Ильинична «Тётя Женя всех поженит».....25

Диплом «За яркое воплощение деревенской атмосферы»

Баканова Любовь Васильевна «Чудачество Маркела».....29

Диплом «За яркое воплощение деревенской атмосферы»

Кечина Елена Александровна «Правильно сказал».....31

Диплом «За яркое воплощение деревенской атмосферы»

Павлова Ольга Геннадьевна «Василий Иванович, Петька и принципы».....33

Диплом «За яркое воплощение деревенской атмосферы»

Воробьева Евгения Леонидовна «Изгоняющий дьявола».....35

«За раскрытие темы поиска человека в Шукшинской стилистике»

Чалкина Мария «Человек мира».....37

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

1 место

Кречмер Анна Николаевна,
Израиль, г. Нетания

В Москву

- А почему бы нам с тобой не поехать в Москву? - спросила Танька мужа Володю. Тот, отработав целый день на тракторе, не был расположен фантазировать, но тем не менее пробормотал:

- Чего вдруг?

- Как чего? - воскликнула Танька, - Столицу посмотреть. А то поем песни про «дорогую мою столицу» и «звезды кремлевские», а в Москве и не были.

Володя подумал, что он прекрасно проживет и без путешествий, но спорить с женой не решился.

- И чего ей не хватает? Избу новую поставил, пятистенок. Полы крашеные, скоблить не надо. Корова дойная, поросенок, угодья. Мамане колхозную пенсию дали, двенадцать рублей.- размышлял он.- С его заработком на тракторе, да Танькиной зарплатой почтальона они в деревне считались чуть ли не богачами.

- Тань, билеты дорогие до Москвы,- Володя знал, что цена для Татьяны, ежедневно объезжающей на велосипеде пять деревень с тяжелой сумкой, имеет значение.

- Деньги-то тяжело достаются, - добавил он.

Танька замолчала и принялась собирать ужин. Радиоточка бубнила про виды на урожай, и это было так знакомо, что уже надоело.

За окнами слышался шум проходящего поезда: дом Васильевых стоял неподалеку от старого, разбомбленного в войну вокзала, поэтому Володя и свекровь определяли время по поездам.

- Девятичасовой, мариупольский, - сказал Володя. - Чего-то мы с ужином припозднились. Танька вытащила из печки картошку в чугушке и сняла с плиты сковородку с рыбой.

- Володь, ну люди-то ездят везде. Посмотри, поезда полны. В окно глянешь - лампа в купе красивая горит, люди нарядные из стаканов в подстаканниках чай пьют. А мы дальше Дно и Дедовичей не бывали.

Володя собрался с духом и выдал:

- Зато вокзал в Дно на Кремль похож.

Наутро Танька пришла на работу рано. Солнце залило светом комнату, где сидели операторы. Пахло горячим сургучом, яблоками и медом.

В зале для посетителей две женщины заколачивали гвоздиками посылочные ящики.

- Опять фруктовая посылка, - сказала, поздоровавшись, сидевшая за кассой Зина.- Баба Дуня и Маня из Горок загодя пришли, а к обеду народ набегит.

- А куда посылают яблоки? - спросила Танька.

Зина удивленно посмотрела на нее.

- Да куда угодно, - ответила она, - Где родные живут в городах, туда и посылают.

- А в Москву?

- И в Москву.

Танька зажмурилась от удовольствия:

- Представляете, наши яблоки и в Москве.

И тут же загрустила:

- Если бы меня кто послал в посылке прямо в Москву.

Зина pokrутила пальцем у виска:

- Умалишенная ты Танька! Люди к нам на лето приезжают, загодя договариваются, у кого родных нет. Чего там хорошего-то, в городе? Пыль, шум, да толкотня. Иди-ка ты лучше почту забери да отправляйся. И вот еще тебе на продажу детские книжки-раскраски и толстая книга.

- Какая? Кто написал?

- А я почему знаю? А вот «Кукла госпожи Барк». Раскраску предложи Ксене - она возьмет для внучки. А «Куклу»эту для Федора Дмитриевича, он читать любит.

Танька вздохнула и отправилась за свой стол собирать сумку.

Велосипед у Таньки был добротный, мужской, с крепкой рамой и надежным багажником. Не то, что женский, на котором приезжала на работу Зина. Только и красоты, что радужная сетка на заднем колесе, а так ни рамы, ни багажника. Почту на таком не повезешь!

Танька ехала по деревенской улице. Она начинала с дальних деревень и лишь потом прибывала в свою. Стояли сушь и жара. Деревни, как будто вымерли - молодые на работе, пожилые возились на своих огородах, а ребятишки убежали на речку, и оттуда со стороны купальни доносились их веселые крики и визг.

Даже собаки ленились лаять, только Жучка Шлыковых заливалась лаем, грозя вцепиться зубами в край Танькиного платья.

- Тю, брысь отсюда, оглашенная! - закричала почтальонша. - Ириш, держи ты Жучку-то, а то газету не получишь.

Старая баба Ириша то ли не услышала, то ли поленилась выйти: вместо нее выскочила Лялька, младшая внучка.

Лялька рано осталась круглой сиротой: родители уехали на север за длинным рублем, да и сгинули оба в какой-то аварии. К семи годам Лялька, оставшаяся с бабкой и теткой, стала совершенно самостоятельной. Теткина загруженность на работе и бабкина немочь способствовали тому, что девочка стала вести хозяйство. На старших внуков нечего было рассчитывать: во-первых, мальчишки не слишком утруждали себя уборкой и мытьем посуды; во-вторых, они и в каникулы подрабатывали в колхозе.

Лялька легко прогнала Жучку, поздоровалась с Танькой и взяла газету.

- Чего ж ты купаться не пошла? Вона ребятишки ваши как кричат! - спросила Танька.

- Да некогда, тетя Тань. Бабушка масло взбивает в кринке, а я картошку чищу. Да она все ругается, что много срезаю.

- Картошка-то прошлогодняя или уже подкапывали?

- Да прошлогодняя. Есть еще в погребе.

Лялька говорила деловито, и почтальонше казалось, что она беседует не с семилеткой, а со взрослой крестьянкой.

Внезапно Лялькино личико озарилось улыбкой.

- Ой, тетя Таня, погодите! Что я Вам сейчас покажу! - воскликнула она и стрелой помчалась на веранду.

Через минуту она вернулась, держа в руках коробку карандашей, и протянула Татьяне.

- Видите, какие хорошие карандаши, сколько цветов! И два розовых, и даже белый! Я и прочитать могу - карандаши называются «Искусство», а вот что такое «Сакко» и «Ванцетти,» я не знаю.

Лялькино восхищение карандашами заглушало даже смущение от незнания, кто такие эти Сакко и Ванцетти.

Впрочем, Танька и сама не знала.

- Да революционеры какие-нибудь, - сказала она. - А откуда у тебя, Лялечка, такие карандаши?

- Да тетя Нина Ньюшкина привезла из Москвы.

- Из Москвы? - оживилась Таня, - Мы же с ней учились в одном классе.

Она попрощалась с Лялькой и повернула велосипед в сторону дома Ньюшки.

Наскоро раздав газеты, Танька добралась до знакомого двора и уже на крыльце увидела одноклассницу Нину. За два года, что они не виделись, школьная подруга изменилась до неузнаваемости. Где косы? Их сменили локоны перманента. Где вечное серое платье - сейчас Нина щеголяла в пестром сарафане с юбкой колоколом. И не косынка покрывала ее голову, а кокетливая шляпка с шелковыми лентами. Ниночка издали заметила Танькин велосипед и приветливо замахала руками. Не вытерпев, она вылетела навстречу подруге и повисла у нее на плечах.

- Танька! Танька, подружка! Здравствуй, сердце мое! Как я соскучилась! - воскликнула она и обняла Таньку, а та от полноты чувств уронила слезу.

Нюшка стояла здесь же поодаль.

- Чего вы на дороге обнимаетесь? Зайдите в избу, подруги, да и поговорите спокойно, а не у всей деревни на виду.

- И то правда,- спохватилась Нина.- Идем, Тань, а велосипед во дворе поставь

- Да непривычны мы рассиживаться, - пробормотала Танька, но двинулась следом за подругой.

В избе пахло свежее испеченным хлебом и цветочными духами.

- «Нинка привезла,» - подумала Татьяна.

- Мам, самовар-то не остыл? - крикнула Нина замешкавшейся в сенях Нюшке.

- Остыл маленько, - отозвалась та. - Но вам попить тепла хватит.

Ах, какие дивные лакомства привезла подруга из Москвы! Зефир, пастилу, никогда не виданное Таней шоколадное масло и ароматную копченую колбасу. Нюшка разрешила батон и пододвинула к госте аппетитные куски.

- Ешь, - прикрикнула она. - Чай, намаялась, почту разносивши. Да и вкусноту такую не пробовала, поди. Вона в магазине фабрики-кухни тоже копченую продают, так ее в рот не брать.

- Мама колбасу любит, а сыр на дух не переносит, - добавила Нина.

- А Вы, тетя Ньюша, собираетесь Нину навестить? - поинтересовалась Танька, намазывая шоколадным маслом кусок булки.

Ньюша, собиравшаяся на обеденную дойку, вымыла подойник, обвязала его чистой марлицей, положила в карман фартука вазелин для коровьих сосков и кусок хлеба с солью - лакомство любимой корове.

- Ты думаешь, мама корову на чужих людей бросит? - спросила Нина, наблюдая за материнскими хлопотами.

- Да билет до Москвы девяносто четыре рубля стоит, - поддакнула Ньюша.

Нина всплеснула руками.

- Мама, хватит! Вы опять все старыми деньгами меряете! Девять сорок стоит билет - запомните уже.

Нюшка подвязала светлый с каймой платок, взяла подойник и вышла в сени.

- Ушла, наконец, - обрадовалась Нина, едва за матерью захлопнулась дверь, - Хочешь посмотреть мои обновы?

- Хочу! - так же весело, в тон ей ответила Танька.

Нина потащила подругу в горницу и там началось действие.

Она распахнула стоящий на скамейке чемодан так, что его содержимое вывалилось наружу. Чего здесь только ни было: и прозрачная кофточка из материала, называемого газ; и широкая юбка фасона «солнце- клеш», и светлый джемперочек машинной вязки. Нинка примеряла на себя эти вещи и бросала Таньке, но у той от волнения даже голос изменился, и она хриплым шепотом спрашивала разрешения потрогать.

- Меряй и ты! - предложила Нинка и бросила подруге пресловутый «солнце-клевш».

Татьяна надела на себя широченное чудо в бесконечных складках и замерла у зеркала. Юбка шла ей необыкновенно, делая талию тоньше, а фигуру стройней.. И даже выцветшая ситцевая кофточка, в которой она ежедневно разносила почту, не портила ее. Нина оглядела ее критически.

- Сюда бы гипюровую блузочку. Или на, переоденься в мою белую, а к ней бусики подберем.

Татьяна покидала дом Ньюшки абсолютно счастливой, ведь ей досталась от щедрот подруги та самая юбка с дивным названием «солнце-клевш».

Урожай по осени собран, из белого налива и штрифеля сварено повидло на зиму, картошка выкопана и сложена в погребе.

Володя вставлял в окна вторые зимние рамы, а между ними прокладывал белую тряпицу с выложенными елочными игрушками из серебряной бумаги.

Октябрь перевалил за середину, и вместе с падением последних листьев стал сильнее чувствоваться холод. По утрам Танька вывозила велосипед прямо на прозрачный ледок подмерзших луж, а ближе к обеду тащила свой транспорт по растаявшей грязи. Темнело рано, и только радио спасало от скуки.

В клуб привезли фильм «Здравствуй, Москва!»

Танька смотрела, не отрываясь, пока Володя несколько раз выходил на крыльцо покурить и переброситься парой слов с мужиками.

Рядом с Танькой сидела Васильчиха и грызла семечки, швыряя лузгу во все стороны. Танька брезгливо отодвинулась.

- Небось, в Москве не стала бы плевать, вывели бы ее из кино за милую душу, -

подумала она.

Снова пробудились в ней мечты о столице. Увидеть Кремль, сходить в театр, да и по магазинам, торгующим диковинными вещами и невиданными яствами - превратилось у нее в голове в навязчивость.

Дома Танька пересчитала отложенные на поездку рубли - должно было хватить на билет туда-обратно и на гостинцы. О том, сколько платить за питание и проживание, она не подумала, а это выходило еще рублей тридцать.

Володя строго-настрого запретил снимать деньги с книжки.

- Я на мотоцикл коплю, - заявил он. - Вон Мишане уже открытка пришла, а я следующий на очереди. А вдруг дадут с коляской? Тогда у братьевьев заниматься придется. И вообще, гаси-ка ты электричество и давай спать. Мне рано в МТС ехать.

Утром лил дождь. Бесконечные серые тучи скрыли горизонт - ни одного просвета, ни одного луча солнца не пробивалось и не оживляло тоскливые будни. И настроение Таньки соответствовало: она стряхнула дождевик в сенях и с кислой физиономией появилась в комнате, где сидели почтальоны перед тем, как выйти с полными сумками.

Зинка с ходу похвасталась новой авторучкой.

- Глянь, Танюша, какая прелесть! И цвет бордовый. А старую чернильницу я в зал поставила - пускай бабки телеграммы пишут.

Таня едва взглянула на авторучку - предмет Зинкиной гордости - и вдруг заплакала.

Зинка оторопела.

- Ты чего, подруга? Володька обидел? - спросила она.

Танька покачала головой.

- Свекровь? Может, и ты такую ручку хочешь? Так в сельмаге полно.

Танька опять помотала головой.

Зинка развела руками.

- Ну, я не знаю. Может, опять по Москве страдаешь? - предположила она, и Танька кивнула, продолжая всхлипывать.

- Мне тридцати рублей не хватает. На билеты и гостинцы набрала, а ведь и где-то жить надо, - пожаловалась она. - Нина в общежитии, а других знакомых у меня нет.

- Не знаю, что тебе и посоветовать, - вздохнула Зинаида. - Наши-то либо в Дно, либо в Ленинград едут устраиваться. А может, ты на один день съездишь? Ночным туда, ночным обратно. А днем Кремль посмотришь, да и по магазинам?

Ежели так, тебе денег хватит.

- Пожить бы там, по чистому асфальту походить, - снова всхлипнула Танька и неожиданно успокоилась. - А ведь ты права, Зин. Кремль, магазины, и домой ночным, а то как тут Володька один без меня? Да и начальник не отпустит надолго. Не сам же он отправится почту разносить.

Вот уже три часа Татьяна стояла в очереди за билетами в кассу дальнего следования. Поезд на Москву прибывал в Дно через час, а кассирша все еще продавала билеты на проходящий мариупольский.

Толпа пассажиров, жаждущих как можно скорее уехать этим поездом в Ленинград, с боем продвигалась к окошечку.

- «Словно Зимний штурмуют,»- подумала Танька.

Она принадлежала другой очереди - «на Москву».

Подойдя в первый раз к толпе, показавшейся ей неуправляемой, она испугалась. Видя, как бьются у кассы раскрасневшиеся мужики в тулупах, она уже хотела повернуть обратно в деревню, однако новая людская волна подхватила ее и потащила в эпицентр схватки.

- Куда ты лезешь, деваха? - оттолкнул ее мужик с мешком. - Ты не занимала.

Со всех сторон ее стиснули, а какой-то чернявый незнакомец прильнул к ней, словно банный лист. Впрочем, скоро касса закрылась, и ожидающие билетов на Ленинград отошли в сторону, а на первый план выдвинулись те, кто ехал в Москву.

- Держись меня, - сказала потрепанной Таньке старуха в теплом платке. - И чего ты не в свою очередь полезла?

- Да я в буфет за лимонадом отошла, а тут мариупольский подошел.

- Мариупольский, - передразнила старуха. - Стой и не бегай, а то очередь упустишь.

Подумав немного, милостиво разрешила:

- Ну разве только в туалет.

Таньку охватила сонная одурь: думать не хотелось, а от усталости слипались глаза. Она уже начала жалеть себя за муки, которые претерпевает в очереди за билетом. Может быть, прав был Володя, утверждая, что ехать в Москву - излишняя роскошь, а башенка со шпилем на здании Дновского вокзала напоминает Спасскую башню Кремля?

Ох, и досталось ему тогда от жены за подобное сравнение!

Нет, не может быть, чтобы была похожа. Да и жизнь в Москве, наверное, светлей и чище, чем у них на окраине. И дело не только в набитых всевозможными товарами магазинах, а и в культуре.

- «Небось, там так в очередях не толкаются, а, может, и очередей в Москве нет?» - размышляла она.

По радио объявили прибытие московского поезда. Очередь приосанилась, а кассирша открыла окошечко, возле которого насмерть стояли бабка и Танька.

- Пять плацкартных, два общих, - крикнула кассирша. - По броне' два взяли, ну и все вам. Да не орите, не орите - знаю, что всем ехать надо, тока где ж я на всех билетов наберусь?

Кассирша казалась Таньке значительной величиной, чуть ли не небожительницей, от которой зависело исполнение ее заветной мечты. Правда, небожительница кашляла и куталась в такой же платок, как у стоящей впереди бабки, но эти детали отнюдь не принижали ее, низводя до уровня простых смертных.

Какой-то мужик из очереди отсчитал семерых и встал сбоку, раскинув руки.

- «Это чтобы никто чужой не влез,» - сообразила Танька, неотступно следуя за бабкой.

А та уже взяла билет в плацкартный вагон и пробиралась сквозь толпу обратно, прижимая к груди выстрадавший коричневый картонный прямоугольник.

Следующая очередь была Танькина. Она, не помня себя от счастья, вцепилась в край окошечка и громко выкрикнула прямо в лицо кассирше:

- Один до Москвы плацкартный пожалуйста.

- Девять сорок, - равнодушно бросила та, и Танька полезла в карман за кошельком.

Надо ли говорить, какой ужас объял ее, когда ее ладонь опустилась в пустоту.

- Девять сорок, - повторила кассирша с некоторым напором. - Берите или отходите в сторону, девушка. Гляньте, сколько желающих на Москву.

- Щас, он, наверное, в другом кармане, - прошептала потрясенная Танька, но и в другом кармане денег не было.

Татьяна подняла глаза на кассиршу - в них читалось отчаяние.

- Украли! - ахнула кассирша, тут же перейдя на деловой тон, - Ну, делать нечего, отойди в сторонку. А ну, кто следующий на Москву?

Танька выбиралась из очереди неселомно хлебавши. Она шла, словно сквозь строй, а любопытные взгляды буравили ее со всех сторон.

Выбравшись из очереди, она доползла до ближайшей скамейки и горько зарыдала. Сколько просидела Татьяна на вокзале, неизвестно. Прибывали и отправлялись поезда, давно уехал московский, правда, с небольшим опозданием, а она все рыдала и не могла успокоиться.

Люди подходили, спрашивали, в чем дело, но голос ее срывался, когда она пыталась рассказать о своей беде.

На помощь пришла уборщица - она уже кое-как подмела в вестибюле, а теперь в оставшиеся часы рабочей смены стояла возле Таньки и рассказывала всем желающим о происшествии с «этой тетехой».

Уборщица уже обкатала свой рассказ. И подошедшему милиционеру Петрухе доложила довольно связно, однако тот поспешил уйти, чтобы, не дай Бог, пострадавшей девахе не пришлось в голову писать заявление. Еще не хватало открывать заведомо гиблое дело, так и премию к ноябрьским не получишь!

Откровенно говоря, Танька уже поднадоела уборщице, и она уже поглядывала на часы в ожидании конца смены, как вдруг увидела, что к ним приближается очень важная персона - это был директор местного привокзального ресторана Владимир Иванович. Вероятно, ему уже поведали о случившемся, потому что он не стал слушать уборщицу, а наклонился к плачущей Таньке и спросил:

- Денег много пропало?

Танька подняла мокрое от слез лицо - прямо перед ней стоял невысокий дядечка лет пятидесяти в хорошем драповом пальто и шапке-«москвичке».

- Много, - разжала она губы. - На билеты в Москву туда-обратно и на гостинцы.

- Что ж ты кошелек в кармане держала, дурочка? Разве ты не знаешь, что на железной дороге такие деятели попадают...- по его тону нельзя было понять, сочувствует он ей или сердится. - А сама ты откуда?

- С Вязовки, - снова всхлипнула Танька.

- А Петруха-милиционер даже заявление не взял, - наябедничала уборщица.

- А Петруха себе не враг. Кто же хочет к празднику вешать на себя глухое дело? Ай, да ладно, - махнул рукой Владимир Иванович. - Как же ты, болезная, домой доберешься, если у тебя ни гроша в кармане? Отсюда до Вязовки десять километров, пешком не пойдешь.

- Пойду, делать-то нечего.

Она обреченно замолчала и хотела встать со скамейки, но Владимир Иванович остановил ее.

- Погоди-ка, как тебя зовут? Таня? Вот что, Таня, я тут к ноябрьским комиссию жду в ресторан, так хочу его и к праздникам, и к комиссии вымыть, выдраить. Могла бы ты поработать - окна помыть в обеденном зале и в подсобных? А я тебе денег дам - будет чем за билет заплатить.

Татьяна оглянулась: окна были громадные, выше человеческого роста.

- Лестницу дадите? - спросила она, вытерев слезы.

- Конечно, - встряла уборщица. - Знамо дело, как же без лестницы? Правда, Владимир Иванович?

Директор не снизошел до ответа, полагая наличие лестницы само собой разумеющимся. Три дня Танька мыла окна в ресторане. Работы она не боялась, и в конце третьего дня стекла сверкали первозданной чистотой, а сама она стучалась в директорский кабинет за расчетом.

Ночевала она в подсобке на старом топчане, там же прятала старенький чемодан с нарядами, которые ей так и негодились для покорения столицы.

Владимир Иванович, довольный работой девушки, не обманул. Денег, правда, он дал немного, но протянул Таньке мешок, в каких перевозили по железной дороге почту.

Танька раскрыла мешок и обомлела - копченая колбаса, сыр, московские конфеты, какие-то непонятные консервы с непонятным содержимым. А завершал праздник чревоугодия по-столичному виданный только на картинках ананас.

Обрадованная Танька едва не забыла поблагодарить директора и выскочила в вестибюль, рассчитывая успеть на рабочий поезд до Вязовки.

Дома свекровь и Володя, обрадованные Танькиному возвращению, а больше всего московским гостинцам, не спешили расспрашивать ее о поездке.

Лишь Володька задал вопрос о Кремле, на что Танька, стараясь изобразить равнодушные, спокойно ответила:

- А ведь ты был прав, Володя. Спасская башня в самом деле похожа на наш дновский вокзал...

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

2 место

Давлетова Марианна Маратовна,
Республика Башкортостан, г. Уфа

Нелюбимая

Георгий Степанович взялся за края старого стола и потащил его во двор. Тут уже собрались соседи: с цветами, подарками, открытками.

Громоздкий стол ударялся о двери, отбивая белую краску со старого дерева.

– Что б тебя, – плюнул Георгий Степанович. Лицо его стало красным, вены на руках вздулись. Протискиваясь сквозь проемы, он чуть не задел прислоненное к стенке зеркало.

– Вот он дурной знак, – щелкнул он пальцами, вспоминая, что не так давно завешивали это зеркало.

Георгий Степанович вышел во двор, плюхнул в центр стол, смахнув пот со лба, огляделся. Бурое небо висело над головами столпившихся людей. Но было неясно: разразится гроза или пройдет мимо.

Невеста стояла в белом, гипюровом платье и о чем-то болтала с соседкой. Муж ее разливал гостям самогон.

– Не успели приехать уже бухают, – произнес вслух Георгий Степанович, но его никто не услышал.

– Переставь-ка стол под навес, а то вдруг дождь, – прокричала на бегу жена.

– Дождь только на счастливых свадьбах льет, – ответил он, – не знаешь что ли примета такая есть.

– Глупости говоришь, – отозвалась жена и покрутила пальцем у виска.

Сегодня одна из его дочерей вышла замуж. И не за кого-нибудь, а за мужа погибшей другой дочки.

Георгий Степанович вспомнил, как бегали тут по двору Люся и Алена совсем маленькие. Аленка конечно была его дочкой. Полненькая, кудрявая, беззащитная. Ее любил больше жизни. А Люська худая как трость, хитрая, завистливая. Однажды пошли они в лес за ягодами. И Аленушка его там заблудилась. Кричат они с Люськой, зовут ее. А толку нет. И говорит тогда Люська: «Папка, пойдем домой, я устала сильно, есть хочу». Это без сестры-то домой... Рассвирепел тогда Георгий Степанович, размахнулся, да как ударит ее по щеке... Долго у нее потом синяк был. А Аленушка все-таки нашлась, услышал он ее голосок тоненький: «Ау».

А однажды пошли они вместе на рыбалку. Рыбачили с лодки и так везло его Аленушке, одну за другой рыбку из воды достает. А Люська то не так удочку закинет, то червяк с ее крючка слетит. Безмозглая в общем девка, но кто ж виноват. Стали плыть обратно к берегу. Отвернулся Георгий Степанович на секунду, вдруг слышит в воду

что-то плюхнулось, обернулся: Аленка в воде, Люська хохочет. Кое-как вытащил он ее тогда. И еще больше он возненавидел Люську.

Он посмотрел на дочь-невесту: «тьфу».

Жена постелила на стол нелепую серую скатерть со снежинками, начала таскать из дома приготовленные блюда. Ей помогала соседка Ленка.

Еще год назад Люська-невеста была одна. А Алена напротив светилась от счастья: и муж Иван, и ребенок...

Вспомнил Георгий Степанович, как забирал внука из роддома. Как взял его на руки, а тот раскричался, стал розовым, как поросенок.

– Вот тебе на... – даже обиделся тогда Георгий Степанович, – ты чего горланишь-то? Я же только поддержать тебя хотел.

Алена тогда засмеялась:

– Не привык еще он, папочка к тебе.

Да, вот так – «папочка» и называла его Аленка всегда. И были между ними незримые душевные ниточки, от которых Георгий Степанович становился счастливее.

У Люськи же начался роман. Хотя какой там роман? Одно название. Влюбилась в Юру, отбывшего срок за наркотики. По переписке сошлись. Приехали знакомиться. «Чтоб ноги его в нашем доме не было!» – сказал тогда Георгий Степанович. Люся не понимала – неужели все радости жизни должны были достаться сестре? У нее и муж, и ребенок, а ей Люське ничего?

Вспомнил горе-зятя Георгий Степанович и поежился. Посмотрел недобро на невесту: «Совсем стыд потеряла». Потом взглянул на Ивана: «И этот туда же». Молодожены сели во главу стола, стали шептаться.

– За молодых, – закричала соседка Ленка.

Гости подняли рюмки. Георгий Степанович налил себе в граненый стакан самогонки до краев.

– Закусывай, – сказала встревоженно жена и протянула ему кусок пирога.

– Не надо, – проворчал он.

Из дома выбежал маленький Митенька – сын Ивана и Алены, подошел к Люсе, сел к ней на колени и прижался головой к груди.

– Платье помнешь, – оттолкнула его от себя Люся, – иди поешь чего-нибудь, мам, дай ему пирожок. У Митеньки на глазах навернулись слезы. Он убежал в дом.

Георгий Степанович посмотрел на дочь со злостью, снова налил себе самогонки, прошипел: «Бессовестная». Соседка Ленка услышала это.

– Брось ты Степаныч, жить дальше надо...

– Вот и живите... Ты что ль живешь? – фыркнул он, – нашла кому указывать.

И снова вспомнил Георгий Степанович... Юра бил Люську страшно. Всю душу выколачивал. А так ей и надо. В конце концов Люська решила от него уйти... Но ведь угрожать начал, требовал, чтобы вернулась.

А потом пришел сюда, в этот самый двор участковый. Люська заявление на Юрку своего написала. Вдруг из калитки выбежал он – наркоман ее. И набросился на участкового с кулаками, потом приставил нож к горлу и заорал: «Убью». Аленка на крики вышла, взмолилась: «Да за что его, Юра?» А Люська соскочила и в баню побежала,

закрылась там.

Вышел тут Георгий Степанович с ружьем: «А ну пошел отсюда!».

Но Юрка не испугался, развернулся и ткнул два раза ножом Алену в живот... Она покачнулась и упала, только успела крикнуть:

– Папочка, беги...

А Георгий Степанович так и стоял со своим ружьем как вкопанный, минуты две не мог пошевелиться... Потом скрутил Юру и до приезда полиции не выпускал.

Люська поехала с сестрой в больницу, и там, якобы в машине та сказала ей: «Позаботься о сыне моем и о муже»... И умерла. А потом уж пошла легенда, мол Аленка мужа своего и сына сестре родной завещала... И Иван видать поверил, чтоб его! Гости просили танцев. Захмелевший Иван включил светомузыку, завопила современная мелодия.

– Пошли танцевать, Степаныч, – схватила его за рукав соседка Ленка.

– Отцепись, – процедил он сквозь зубы и ушел в дом спать.

Проснулся он от того, что в кухне звенели тарелками. Он хотел было прикрикнуть. Но услышал разговор:

– А чего это Степаныч так на Люську взъелся? – спрашивала соседка Ленка.

– Я скажу тебе, только ты это, никому, слышишь? – отвечала жена.

– Могила...

– Она это... не от него в общем... Я уже беременная замуж выходила, сказала от него. Наверняка уж догадывался, – шептала жена.

– Да ты что, мать? – поразилась Ленка.

– Ага. А потом как Люська родилась, он все орал: не моя, мол, дочка... Я бы ушла, но узнала, что снова беременная... Аленкой. Вот так он только Аленку и любил. А уж теперь кажется вообще ненавидит Люську!

Георгий Степанович рухнул обратно на кровать и закрыл лицо руками. За окном стал накрапывать дождь. Он встал, вышел во двор.

Гости продолжали танцевать... Люська прижималась к Ивану, не выпускала его из объятий, а тот и рад. И подумалось Георгию Степановичу вдруг, что ждала Люська этого часа, ждала, что умрет Алена и будет у нее шанс забрать Ивана. И свершилось!

– Пусть... Люська матерью для Митьки станет, кто же еще? – говорила на это жена...

И в висках стучали у него эти речи. Станет, как же. Такой же матерью будет, как и он для нее отцом...

Он снова вспомнил Аленушку, выходящую замуж за Ивана и ее смерть вот тут, в родном доме, не за что, просто так... Дождь усилился. И разрыдался Георгий Степанович. Кто же виноват, что все так сложилось?

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

2 место

Смирнов Михаил Иванович,
Республика Башкортостан, г. Салават

Сердце матери

В обеденный перерыв заехал к матери, чай попить да немного поговорить. Мать жила одна. Вот и заезжали к ней при каждом удобном случае. И сейчас, едва зашел, мать попросила достать с антресолей банку. Пока искал банку, наткнулся в дальнем углу на тяжёлую коробку, завёрнутую в холстину. Вместе с банкой, прихватил свёрток, чтобы взглянуть, что в нём находится. Отдал матери и кивнул.

— Что за клад спрятала в кладовке? — я ткнул пальцем в сверток. — Что-то не видел раньше.

— А, этот? Он остался от бабы Дуси. Я, уж старая, и забыла про него. Он уже много лет лежит у нас. Подальше с глаз убрала его, чтобы вы ненароком не сунулись в коробку, — сказала мать.

— Баба Дуся? — я пожал плечами. — Что-то знакомое, но...

И покрутил в воздухе рукой.

— Ты должен её помнить. Маленькая такая старушка на первом этаже в угловой квартире жила. Помнишь? Ты ещё пацанёнком был, когда её муж умер. Они на фронте поженились, вместе всю войну прошли. Вернулись, сын родился, а вскоре дяди Феди не стало. Фронтные раны дали знать о себе. Сердце не выдержало — рядом осколок сидел, врачи опасались его удалить. Он сдвинулся, и дядя Федя помер. Сильно горевала баба Дуся, как мы привыкли её называть. Но назад мужа не вернёшь, а сына надо было ставить на ноги. Женька-то был постарше тебя. Вот и пришлось ей не только трудиться на производстве, но и после работы ходила по подъездам, мыла полы. Подрабатывала, чтобы сыну отправить все деньги. Он в институте учился...

— Все, вспомнил, — я перебил мать. — Это же она таскала постоянно вёдра с водой по подъездам. У неё была ещё привычка угощать малышня со двора конфетами. Точно?

— Да, это баба Дуся. Ребятишки её любили. Как увидят, что она вышла из подъезда, так сразу к ней бежали. Знали, что у бабы Дуси всегда есть карамельки в кармане. Тихая была, спокойная, — сказала мать.

— А сын, Женька, здоровый такой парень. Он же в другом городе учился, так? — я посмотрел на мать.

— Да, уехал.... Как укатил в институт и больше ни разу не появился. А она горбатилась, чтобы там его содержать. После её смерти, я сколько раз писала ему, что мать

оставила для него этот свёрток на память, а он так ни разу не отозвался, — с горечью сказала она. — Ты же с Пашкой, дружком своим, помогал мужикам со двора гроб на машину поднимать. Не забыл?

Я помнил бабу Дусю и её похороны...

Тихая и незаметная старушка с лицом, иссечённым морщинами. Постоянно в одной и той же юбчонке, латаной кофточке и линялой косынке, а зимой в старой, побитой молью, шали.

Она неустанно, с утра и до вечера, мыла подъезды наших домов. Мороз или снег, дождь или жара, а баба Дуся тащила в очередной подъезд тяжёлые вёдра с водой. Убирала мусор и отмывала бетонные полы от грязи. И сколько я вспоминал бабу Дусю — она оставалась в моей памяти маленькой, сухонькой старушкой, словно время не касалось её.

Умерла она в конце марта. Умерла так же тихо и незаметно, как и жила.

Мать, возвращаясь из магазина, зашла к ней, чтобы оставить молоко и хлеб, и увидела, что она лежит на диване, будто решила отдохнуть немного от этих проклятых тяжёлых вёдер. Мать прошла на кухню. Оставила на столе покупки и хотела выйти, чтобы не потревожить бабу Дусю. И вдруг что-то почувствовала — подошла к дивану. Свернувшись калачиком, баба Дуся не дышала, а рядом с ней лежал старый, потёртый альбом с фотографиями, тетрадный лист и в пальцах была зажата ручка. Её хоронили всем двором. Хоронили на собранные соседями деньги. До последней минуты ждали её сына. Хоть он и прислал телеграмму, что приехать не может, и просил соседей, чтобы похороны матери прошли без его участия.

Бабу Дусю хоронили в промозглый, холодный мартовский день. Сильный ветер гнал по небу низкие серые тучи, из которых сыпал то сырой снег, то мелкий, похожий на водяную пыль, дождь. Под ногами чавкало серое, грязное месиво из снега и воды. Дома стояли сырые и мрачные, по окнам которых, словно слёзы, стекал тонкими струйками снег вперемежку с дождём. Казалось, что проливала слёзы даже природа, прощаясь с ней...

Женщины в чёрных платках, мужики с хмурыми лицами заходили в квартиру проститься с бабой Дусей и, выходя, вытирали украдкой покрасневшие глаза. За много лет я первый раз увидел её в новой, чистой одежде, купленной соседками.

Читали молитвы старушки в тёмных одеждах. Пахло ладаном, какими-то травами и ещё чем-то неуловимым и непонятным тогда для меня. Запахом тлена...

Меня поразило её лицо. Морщинистое, уставшее от постоянной работы, оно было чистым. Куда-то пропали, разгладились все морщины. Ушло с лица выражение постоянной заботы и казалось, что она отошла от всех этих мирских дел, хлопот и находится где-то там — далеко от всех нас...

На подъехавшую с открытым кузовом машину осторожно поставили небольшой гроб с лёгоньким телом бабы Дуси. Дождь, попадая на её желтовато-восковое личи-

ко, стекал по краю глаз тонкими полосками, будто баба Дуся плакала, прощаясь со всеми, уходя в свой последний путь.

Машина медленно поехала по двору и все соседи тихим шагом пошли за ней, неся в руках венки из искусственных цветов. И лишь на грязном снегу остались лежать живые ярко-красные гвоздики...

— Мам, а можно посмотреть, что в свёртке? — попросил у неё.

— Гляди...

Я осторожно развернул холстину и снял крышку со старой коробки. Потёртый альбом с пожелтевшими фотографиями и ещё один свёрточек. Открыл его, и застыл.... Передо мной лежали потускневшие от времени два ордена Славы, орден Красной Звезды, несколько разных медалей, среди которых — «За Отвагу» и «За взятие Берлина». А рядом с ними — старенький открытый конверт и неровно оторванный тетрадный листочек, на котором было написано корявым почерком:

— Женечка, сыночек! Я очень прошу тебя, выбери время, приезжай в родной дом. Чувствую, что недолго я проживу. Тебя поскорей бы дождаться, взглянуть, каким ты стал да обнять в последний раз. Жаль, но оставить на память нечего, лишь альбом, где мы с отцом и ты, маленький, да наши награды. Больше у меня ничего нет, кроме медалей и орденов, что с папкой твоим на войне получили, да наших снимков. Приезжай. Так хочется увидеть тебя в последни...

Письмо оборвалось, оставшись недописанным....

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

3 место

Ассель Галина Георгиевна,
Кемеровская область, г. Междуреченск

Никто за язык не тянул...

– Люськ, а Люськ, это что за грохот? – приподняв от подушки помятую небритую физиономию и приоткрыв один глаз, спросил жену Василий.

– Так, соседи на балконе ремонт затеяли, – глядя на столе бельё, ответила Людмила.

– Другого времени не нашли... Спать не дают...

– Глянь-ка, спать ему не дают... Время-то уже обеденное... – беззлобно проворчала супруга. – Нам бы тоже не помешало балкон в порядок привести, а то страшно – перила качаются, доски прогнили и крыша на честном слове держится... Того и гляди – пришибёт.

Дом был старый, сталинской постройки и балконы располагались друг к другу впритык.

– Ну, завелась... – протянул Василий, – а тебе, что там делать? Не выходи... – позёвывая, кутаясь в покрывало, ответил он.

– А для чего же он тогда? Вот бельё постирала, хорошо бы вывесить, просушить.

– Я же повесил верёвку в ванной...

– Повесил... – фыркнула Людмила, – тят-ляп и готово... Вот уж счастье мне привалило, так привалило... – как-то горестно вздохнула она, складывая в аккуратную стопочку постельное бельё, – хоть самой на эту верёвку... Посмотришь на других мужиков и завьить от своего счастья хочется... – тихо, почти шёпотом проговорила она.

– Люськ, ну, что ты, в самом деле? Чуть, что не так, сразу – завьить! Сделаем мы этот балкон... когда-нибудь...

– Вот-вот... двадцать лет живём, всё обещаниями кормишь...

– Не зли меня, Людмила! – окончательно проснувшись, вскочил с кровати Василий. – Да, что это за жизнь такая, а?! – продолжил он высказывать накопившиеся обиды изумлённой супруге. – Не пей, не кури, на чужих баб не заглядывайся! Почему всё должно быть так, как хочешь ты? Кто-нибудь, хоть раз, спросил: чего я хочу?! Вкалываю, как проклятый и, всё равно, не могу угодить! Ну, Люськ, смотри, дождёшься... – проговорил он угрожающе и, устремив взгляд на облупившийся потолок, поднял указательный палец вверх.

«О чём это он? – насторожилась Людмила, продолжая гладить бельё, молча, даже с некоторым интересом, слушая Василия, так как обычно, он был не многословен. – Ух, как разошёлся... Что это с ним? Не иначе, как кризис среднего возраста... Вооб-

ще-то, мужик он – хороший... Что зарабатывает – всё в дом... Двух сыновей вырастили... В жизни-то, всякое бывало, но ни разу на меня руку не поднял... Может, это и есть любовь? А, что ещё нужно?» – глядя на супруга жалеючи, размышляла она.

Видя, что Людмила не прекословит, Василий вдруг почувствовал некоторую неловкость за своё «показательное выступление».

– Ну, хорошо. Вот, отпускные получу, и отремонтируем балкон. Ещё лучше будет, чем у Ивановых! – поставил он окончательную точку в разговоре.

– Петровы они.

– Да какая разница... Выйду, посмотрю, что они там делают.

Через несколько секунд Людмила услышала грохот. Она кинулась к балконной двери.

– Батюшки! Что же, это вы, ироды, наделали, а?! – закричала испуганная Людмила, глядя на груды рухнувшей крыши их балкона. – Убили-и! Насмерть убили моего Васеньку-у!

Соседи, стоявшие на своём балконе, от внезапности случившегося, словно оцепенели.

– Ты, доски, доски-то с него убери, может ещё живой! – наконец, кто-то крикнул, придя в себя.

– Убили!.. Как есть – уби-ли-и!.. – обхватив голову руками, продолжала истощно блажить Людмила над упавшей крышей, под которой лежало, не подающее признаков жизни, тело супруга. – Горе-то како-е-е!.. Родненький ты мо-ой! Как же я без тебя жить-то буду-у?.. Васенька-а!.. Чёрт бы с ним, с этим балко-о-ном! Жили двадцать лет без него-о и ещё бы столько же прожи-и-ли-и...

И вдруг:

– Ну, Люськ, смотри, сама это сказала, никто за язык не тянул... – донеслось из-под гнилых обломков.

Номинация
«ФАНФИК ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ В.М. ШУКШИНА»
1 место

Анна Зенцова,
г. Санкт-Петербург

Да светится имя твоё!

Фанфик по рассказу В. Шукшина «Горе»

Стояла поздняя весна 1944 года. Советская Армия вела тяжёлые бои с немецкими захватчиками за освобождение Белоруссии. Таня работала медсестрой в полевом госпитале. Ей было восемнадцать лет, худенькая, тонкая, как тростиночка, живая, насмешница. Выполняла разную работу – убирала, перевязывала раненых, еду подавала.

В один из тёплых майских дней появился он, Валентин. Был он высоким, ладным, ловким молодым солдатом со светлым чубом и с голубыми глазами цвета незабудок, что прячутся в оврагах у лесных ручьёв. Как он взглянул на Танечку своими голубыми глазами, так запал этот взгляд в сердце девушки, в самую её душу и зажёг в ней пламень первой чистой девичьей любви. Валентин пришёл в госпиталь сам, поддерживая окровавленную висящую плетью руку. Таня встретила его первой, потому что до таких легко раненных дела не было измученным хирургам и старшим сёстрам. Они оперировали в первую очередь тяжёлых, со страшными ранами бойцов. Девушка перевязала ему руку... и потеряла голову, влюбилась. С той минуты ходила она за ним, как привязанная, а когда подошла ему очередь идти в операционную на осмотр, где главврач Иван Васильевич делал операции почти круглые сутки, прерываясь только на короткий сон, она изнывала от тоски и сострадания. Вскоре случилось ещё одно чудо – всегда сердитая старшая медсестра, пряча навёрнувшуюся слезу разрешила ей ухаживать за Валентином. Для Тани – словно солнце воссияло! Теперь она кормила подопечного с ложечки, перевязывала ему руку, и всё это на виду у целой палаты раненных, которые следили за ними с улыбкой. Но время шло, и Валентин, окружённый заботой Тани, быстро поправлялся. Скоро он уже мог выходить из госпиталя, и, несмотря на запрет, они с Таней убегали по вечерам в зелёный, тёплый, солнечный лес, где бродили, взявшись за руки.

Медсёстры смотрели на Танечку искоса. Шептались по углам, а кто-то прямо говорил, что нельзя так девушке вести себя, недостойно, а то... «А то» было тайным, запретным и стыдным, а из-за этого ещё более манящим. И однажды сам главврач пригрозил: «Смотри, Танька! Доигра- ешься. Отправлю тебя в тыл!». Она сначала испугалась, а потом словно в омут с головой кинулась, отбросив все предосторож-

ности. Думала: «Если меня убьют, то любить меня уж никто не будет, и не познаю я любовь. Люблю я его!». И решившись, теперь позволяла избраннику своему по вечерам всё более смелые ласки, и их поцелуи становились всё более горячими и страстными. И вот замаячила уже брошенная сторожка лесника на краю леса, и закружились звёзды на небосводе в неистовом хороводе, и не осталось ничего в целом мире – ни войны, ни госпиталя, ни грозного главврача – всё исчезло, сгинуло, провалилось в тартарары, и остались только они вдвоём на целом свете, их губы и руки ненасытные, их сердца любящие. Валентин обнял худенькие плечи Тани, потом привлёк их к себе, и они оба исступлённо задохнулись в поцелуе. Он целовал её и всё шептал: «Да светится имя твоё! Да светится имя твоё!».

Счастье переполняло девушку, и наутро она не могла спрятать своих сияющих глаз. Несмотря на боль, кровь и смерть вокруг неё, ей казалось, что она всегда будет счастлива с Валентином. А в это время он уже выпился и готовился к отправке в свою часть, на передовую. Уезжал он быстро, едва попрощавшись и сказав несколько слов плачущей Тане. Только просил её не ходить на передовую и беречь себя. Поцеловал при всех на прощание. Неделю Танечка бродила, едва держась на ногах, принималась за любую работу, только бы не думать, не рваться туда, где сейчас он, где взрываются снаряды и сверкает зарницами сражений фронт. Она ещё помнила его всего, со всеми его малейшими особенностями, помнила запах его горячего тела, ненасытный рот и голубые глаза, простой и весёлый звук его голоса... Теперь она поняла, что в ней растёт совсем новое чувство, – то странное, неизведанное чувство, которого совсем не было, пока они были вместе, которого она даже предположить в себе не могла, и, возможно, что она уже никогда не сможет рассказать ему об этом новом глубоком и восторженном чувстве.

Скоро на фронте началось наступление, снова стали привозить раненых. В один из июльских дней привезли его, её солдата. Таня сразу узнала его среди лежащих раненных, он был весь в грязи, в крови и без сознания. Крича что-то несвязное, она бессмысленно суетилась вокруг, хватала бинты, пыталась перевязать его страшную, кровоточившую рану, пока её не оттащили. Его быстро унесли на носилках в операционную.

Он умер на операционном столе, не приходя в сознание. То, что было дальше, Таня почти не помнила, не помнила, как главврач добился, чтобы Валентина похоронили не в братской могиле, а отдельно. Помнила она ясно только, как лежала на влажном холмике земли, на его могиле, обнимая её руками. Потом она заболела, и её отправили в тыл. И все длинные дни и месяцы в тылу, тянувшиеся унылой однообразной чередой она помнила плохо, как через завесу серого тумана. Помнила только тяжёлую беременность. Помнила голод, тяжёлую работу на заводе по двенадцать часов в день. И потом тяжёлые роды. И только когда родилась её доченька любимая, её Валентинушка, туман постепенно рассеялся. Появилась цель жизни – накормить, убаюкать, вырастить, сохранить дочь.

Когда отгремела, отгромыхла война, она вернулась с дочкой в те самые места, где расцвело её сумасшедшее счастье. Поселилась в деревне, рядом со сторожкой лесника, свидетельницей её короткого счастья. И прожила она там всю оставшуюся жизнь. Рядом с любимой могилкой. На могиле Валентина новый памятник поставили.

Сегодня особенный праздник – День Победы! Баба Таня вытерла ладонью бегущие по морщинистым щекам слёзы, с трудом поднялась и медленно побрела к обелискам. Идти ей всё трудней и трудней, грудь сдавила ноющая боль. Внезапно щемящая боль, зародившаяся где-то около сердца, как стрела, пронзила всё её тело. Собирая все свои последние силы, она всё-таки добрела до знакомой могилки. Баба Таня прижалась всем телом к памятнику и поцеловала гранит. В это мгновение силы оставили бабу Таню, и её душа, навечно покинув тело, поднялась в воздух. Её казалось, что колыхание пространств сотрясало всё вокруг; воздух, играя и блистая всеми цветами радуги, становился то светом, то тьмой. Солнце падало в чёрный провал, звёзды, кружась в неистовой пляске, ныряли в космическую синеву, всё мешалось и проникало друг в друга. Всюду пульсировали жидкие, клубящиеся, узкие, как змеи, слои материи, бесчисленные иерархии вселенных были наполнены яркими звёздами, туманностями и галактиками. И везде, везде был Свет. Это был даже не Свет, а Космический Пламень! Он наполнял собою всё! И тогда душа Тани услышала, как Он позвал её: «Да светится имя твоё!». И из бесконечной иерархии миров ответило протяжное эхо: «Да светится вечно!».

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»
Диплом
«ЗА СОЗДАНИЕ ЯРКИХ НАРОДНЫХ ОБРАЗОВ»

Артем Васильевич Попов
Архангельская область, г. Северодвинск

Дурик

Село Куренное примостилось на склоне реки Вольной. За ней – глубокая зелень лесов переходит в синеву неба. Старожилы уверяют, что вода простиралась до самого горизонта. Вероятно, это было в ледниковый период или позднее, когда царствовало море-океан. Вода ушла, оставив на память гладкие камни.

Потом на берегу появились первые поселенцы, но огромные отполированные валуны продолжали лежать в огородах, на дороге. В прошлые века лошадьми их не сдвинули, не убрали потом и тракторами.

...На Василия Петровича, жителя села Куренное, давно не обращали внимания. Дурик. Говорит не пойми что, с пятое на десятое. Рассказывать, к примеру, начинает, как охотился с сыном на гуся, и вдруг ни с того ни с сего ввернёт, будто птица так высоко летала, что с «самим Боженькой разговаривала».

А раньше-то какой был Василий Петрович! Умный. Красивый. Служил милиционером, все его уважали да побаивались. От того прежнего Петровича остались только роскошные усы, но и те со временем потеряли форму и торчали как проволока в разные стороны.

На пенсию из-за душевной болезни списали капитана раньше срока. И стали к нему прилипать местные алкаши. Деньги у ветерана всегда водились, благо милицмейская пенсия позволяла. Хотя пить было нельзя несколько: ещё хуже заговаривался бывший капитан. Жена Люба ушла на тот свет, но не это скосило старика. Зимой он как-то держался: не слышно было его боботания в усы, из дома не вылазил, а летом солнце на него дурно влияло, словно распаяя его болезнь всё больше. Все дни он слонялся по селу с алкашами и говорил-говорил...

И вот что учудил этим летом Василий Петрович: начал валуны на дорогах расписывать. Нет, конечно, все и раньше знали, что он рисует хорошо: наличники у его дома узорчатые, штакетник цветной. Но когда всё это было? Когда ещё ум не потерял старик.

Сельчане сначала не поняли, что за молодых людей он рисует на камнях. Только потом увидели крылышки... Ангелы! И небо на камнях заиграло светло-голубое, и трава яркая-яркая отразилась. Неземные цвета особенно выделялись на грязной

дороге.

Сидит себе Василий Петрович день за днём и расписывает камень за камнем.

– Петрович, ты ангелов где научился рисовать? – любопытствуют женщины.

– В Обухове, в церкви.

Обухово – деревня далеко от Куренного, никто там не живёт давно, а старинный храм Живоначальной Троицы стоит. Он лучше других близлежащих храмов уцелел в советское время: здесь был склад зерна, а не клуб и не мастерская. Василий Петрович ходит туда пять километров в одну сторону, обратно столько же.

Росписи на стенах сохранились в целости. Но ещё год-два пройдёт, и крыша на церкви обрушится: кто-то железо украл. Вот и берёзка начинает расти в кирпичах... Но роспись пока не смывает ни дождь, ни снег.

– Кончай дурью маяться! – не выдержали как-то мужики, заругались на художника.

– Далеко-далеко... за дальними далями... – опять какую-то глупость он им в ответ.

– Баско-то как! Доброе дело делает, – вздыхали бабы. Жалко им Василия Петровича.

Все знали, что почти каждый день он ходил к школе. Там на фасаде установлена мемориальная доска из чёрного гранита с короткой надписью: «Алексею Лоскутову, выпускнику школы, участнику боевых действий в Чеченской республике, кавалеру Ордена Мужества (посмертно)».

– Бриться... бриться... – бормочет невпопад старик.

Хоть и без усов паренёк на той гранитной доске, но похож один в один на Василия Петровича.

Далеко-далеко от реки Вольной боевики убили мальчика, а потом, заметая следы, облили бензином, обложили покрывками... Сослуживцы на похоронах признались: «Прости, отец, ничего в гроб не положили».

Вот и ходит к школе Василий Петрович, раз на кладбище пустота. Ничего не осталось от человека...

Нет!

Есть гранитная доска на школе и ангел на камне у пыльной дороги.

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»
Диплом
«ЗА СОЗДАНИЕ ЯРКИХ НАРОДНЫХ ОБРАЗОВ»

Шупикова Анна Николаевна
г. Брянск

Лукич

Лукич, залпом хватил кружку простокваши и важно сопя, вскинул ружьё.

— Лучше б парася заколол, — недовольно ворчала его старуха, — мясоед на носу!

— Всему своё время! — топтался на пороге Лукич.

— Всему своё время! — гневно повторила старуха.

— А я говорю подождёт парась! Пусть жирку нагуляет!

— Куда ж еще нагуливать?! — всплеснула руками старуха. — Хим натрепал не ухватишь!

— Хим не хим, а подождёт, — заявил Лукич. — Душа охоты требует!

— Охоты... — передернула старуха.

— Охоты! — твёрдо ответил Лукич.

— С двумя шпультками?..

— А сколько тебе нужно? — повёл лукавыми глазками Лукич. — Снайперу и одной хватит!

— А зачем же две взял, снайпер?

— Ты помолчи лучше, коли бог мозгов не дал! — прикрикнул Лукич. — На охоте оно ведь всяко бывает! И чем языком молоть, лучше б щей на мясе состряпала! — С этим словами, он вышел из дому.

— Братцы мои! — вскрикнула старуха! — Кабана колоть не хочет, зато про щи на мясе толкует! Но Лукич уже не слышал старуху, а уверенным шагом направился к балке. «Зима этот раз скупка на снежок», — толковал сам с собой дед, глядя, как дрожит в поле сухое быльё. Все дальше и дальше уходил он к балке, изредка оборачиваясь в сторону деревни. Легкий морозец покусывал щеки, отчего седая борода, становилась ещё белее. «Хорошо!», — подумал Лукич, но тут же приступ острой боле в животе, скрутил его. «Ну старая анафема!», — он выругался в пол голоса. — Ужо приду домой, покажу как мужика днями простоквашей кормить!». Боль при этом не утихала, а точно волны, накатывала все сильнее. Дед огляделся по сторонам, дорога была пустая и безлюдная. Делать нечего, положив рядышком ружьё, он принялся расстегивать портки. «Патронташ в два патрона, — недовольно пыхтел Лукич, — пока расстегнёшь пальцы околеют!». Долго сопел и ругался Лукич прежде чем распоясался. Но стоило только ему присесть, как вдруг со стороны деревни загремела повозка. «Что б тебя! — выругался Лукич, — хватая ружьё и одновременно пытаюсь натянуть портки». Ружьё скользнуло и упало в снег, он кинулся за ним и тут же потерял портки. Тем временем подъехала телега. Молодой, розовощекий малый с криком «Тпру!» залихватски натянул вожжи и лошадь, повесив голову, остановилась. «Здорова Лукич!», «И тебе не хворать», — наскоро подпоясывался дед. «На охоту чтоль собрался?», — с улыбкой, разглядывая деда,

спросил малый. «Охоту...», — недовольно буркнул Лукич. «Смотри русак!», — вдруг завопил малый. Примерно шагах в двадцати от Лукича, из-за дерева, высочил крупный заяц. Лукич вскинул ружьё — гроыхнул выстрел. «Мимо!..», — с досадой выкрикнул малый и тут же ещё громче, — «второй!» Дед, затаив дыхание, пальнул ещё раз. «Тю ты!», — сокрушенно бросил малый, глядя как зайцы, делая крутые петли, удирали все дальше и дальше. «Смазал...», — выдохнул дед. Малый цокнул и, усмехнувшись, хлестнул кобылу. «И тебе не хворать», — буркнул Лукич и поплёлся домой.

Старуха хлопотала у печи, когда важно крякнув, Лукич вошёл в избу. «Все, баста! Забадую я завтра твоего кабана!». Старуха, вытерла руки о фартук. «То-то! Всяко лучше, чем зайцев по полю гонять».

Чуть свет, Лукич начал приготовления. «Куда один?!», — завелась старуха. «Кабан то погляди, шеи не видно!». «Разве ж это кабан?! Так, крючкохвост! — бахвалился Лукич! — Опять же, ежели звать кого на подхват, то придётся и свежиной делиться...». «А тебе жалко?», — не уступала старуха. «А ведомо ли тебе, что свежина на сухую в глотке застриёт?!». Старуха задумалась. «То-то! Сам управлюсь». Старуха молча махнула рукой. Лукич важно прошёлся по двору. С хозяйской заботой осмотрел место будущей расправы и, найдя подходящую верёвку, принялся насвистывать «В парке Чаир». «Жаль гниловата маленько», — сопел Лукич, — да и коротковата...», но другой веревки не было. Ещё раз пройдясь по двору он подошёл к кабану. Крепкий хряк, жадно нюхал воздух и был подозрительнее чем обычно. Лукич еще раз проверил верёвку и, не сомневаясь в ее прочности, привязал к своей ноге, другой же конец к ноге кабана. «Ножом бы его, да один не сдюжу», — прикинул Лукич оценивая толстенную шею хряка. «Нет, всё-таки лучше кувалды ничего не придумаешь». Кабан что-то унюхал и рылся в земле, когда Лукич примерялся тяжелой железью. Но в самый последний момент, кабан резко развернулся и кувалда, описав дугу, угодила ему точно по толстому окороку. Хряк завизжал и что было сил, рванул со двора. Лукич, словно подкошенный, повалился на землю. «По-мо-ги-тя! — кричал Лукич, цепляясь пальцами за мерзлую землю. — Престрелю-ю-ю!». Но хряк не слышал своего хозяина и выпучив глаза, тащил его по улице. Под тяжелый сап кабана мелькали заборы и дома. Снежная пыль забивала глаза и мешала дышать. Точно по стиральной доске катился Лукич, жалобно вскрикивая, на кочках и крутых поворотах. Но вскоре веревка не выдержала, и Лукич остановился.

Он лежал на спине, широко раскрыв глаза, пока кабан все дальше и дальше удирает в поле. — Простынешь Лукич! — послышался знакомый голос. Розовощекий малый остановил лошадь и ловко спрыгнул с телеги.

— Это ты Никитушка? — жалобным голосом пропищал Лукич. — Никитушка свет мой ясный, за ради Христа, отвези меня к моей старухе.

Никита уложил Лукича на телегу и сняв с себя тулуп, накиннул на старика.

— Куда мы едим Никитушка?

— Судя по всему в райцентр! — коротко ответил Никита.

Лукич хотел было возразить но мысли стали путаться и он забылся. Очнулся он лишь в больнице с загипсованной ногой.

— Где я? — слабым голосом спросил Лукич.

— В больнице дедушка, — ответили с соседней койки. — А что с вами случилось?

Лукич осмотрелся и, пошевелив пальцами, ответил, — а вот чичас расскажу.

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»
Диплом
«ЗА СОЗДАНИЕ ЯРКИХ НАРОДНЫХ ОБРАЗОВ»

Сулова Александра Ильинична,
Казахстан, г. Костанай

Тётя Женя всех поженит
(Повесть. Отрывок)

– Мам, а гипнотизёр это кто? – спросила Женька, забегая в кухню и мотая сеткой с хлебом.

Полина сидела на стуле и чистила картошку к обеденному борщу, на коленях синего ситцевого платья лежал чистый фартук, на нём – чашка с мытой картошкой, и очистки из-под ножа выходили тоненькие, тоненькие:

– Гипнотизёр? Как тебе объяснить: человек, который может управлять другим человеком. Он как бы его усыпляет, а потом может давать задания и человек под гипнозом делает всё, что хочет гипнотизёр. Ты сетку-то положи на стол, а то все углы у печки булкой пообшибаешь, я только побелила. Тем более таким сухим хлебом, опять вчерашний ребенку всучили. Кто там, в магазине за прилавком-то стоит такой умный?

– Тётя Катя. Вся в кудрях, такая красивая. А гипнотизёр, получается, страшный человек? Зачем он к нам в Сосновку тогда приезжает?

– Откуда ты знаешь, что в Сосновку гипнотизёр приезжает?

– А я из магазина мимо клуба бежала, там Шурка-помощник афишу вывешивал...

– А билеты дорогие?

– Да, мам, ужасно дорогие: взрослые аж по восемьдесят копеек, детские по сорок. Ма-а-м, мне так хочется посмотреть на гипнотизёра. У тебя найдется 40 копеек?

– Что-нибудь придумаю, только ты мальчишкам нашим не говори, а то тоже засобираются. Пусть дома побудут, я им найду работу. А тебя я как-нибудь пропущу потихоньку, если разрешат, или стул приставной поставлю, только ты в последний момент приходи, побудь с пацанами дома.

Зал был полон. Вечер выходной, люди наряженные. Рядом с Женькой в первом ряду сидела тетя Катя, та самая снова незамужняя продавщица, которая «всучила» Женьке утром жёсткую буханку хлеба. Она была в голубой капроновой прозрачной кофточке. Так стыдно было на неё смотреть: белая комбинация с кружевами видна, лифчик белый тоже. Грудь просто вся наружу. Мама, например, и дома всегда прячется, когда переодевается, чтоб никто лишнего не увидел. Когда тетя Катя

проходила по залу к своему месту, стуча каблуками, все мужчины глаза косили, женщины только кивали головами и вздыхали. Хоть и стыдно смотреть, а им, наверно, тоже хочется такую кофточку, раз все мужики смотрят.

Во втором ряду за Женькой сидели соседи по улице: тётя Тамара- повариха в нарядной полосатой кофточке с мужем дядей Колей- механизатором в сетчатой тенниске и их рыжий-прерыжий Витька. Рядом с ним Женькин одноклассник Орал, которого все почему-то Лёнкой зовут, с мамой тётя Диной, они на следующей улице живут, огород к огороду и Женька с Лёнкой в картошке в прятки играют. Витька всё тянул свои в цыпках руки и пару раз дёрнул Женьку за косы, пришлось перебросить их вперёд от такого придурка.

На сцену вышел председатель рабочкома Дмитрий Иванович и объявил, что в Соновский зерносовхоз на гастроли приехала знаменитость мирового уровня, что всем жителям целинного посёлка повезло прикоснуться к науке и психологическим опытам над сознанием человека. Он попросил всех вести себя культурно и не срамить чести целинников, внимательно слушать, семечек не щёлкать. За девять лет в целинном клубе выступало много знаменитостей, и никто не обиделся на зрителей. Когда Дмитрий Иванович громко сказал: «Мастер гипноза, товарищ Гутман. Встречайте!» – зал взорвался аплодисментами.

На пианино заиграла красивую легкую мелодию школьная учительница пения Алия Ахметовна, и на сцену, наконец, вышел Гутман. Легкое разочарование охватило Женьку: лысый, толстый, большой, щёки тяжёлые, только костюм красивый, чёрный, с блестящими отворотами, фрак называется, как сказала шёпотом тетя Катя и вздохнула, и почти голая грудь её горой поднялась.

Товарищ Гутман сначала спокойно и уверенно рассказал о достижениях психологии, употреблял какие-то непонятные Женьке слова. Ну, в общих чертах можно было разобраться, потом он попросил всех желающих поучаствовать в эксперименте и проверить, кто в зале особо подвержен внушению. Для этого нужно сцепить пальцы обеих рук. Дядя Коля-механизатор зашептал кому-то сзади:

– Видал, миндал, кто подвержен внушению! Да я никакому гипнозу не поддамся, как сцеплю пальцы, так и расцеплю. Мне на фронте фрицы тоже по радио кричали: «Рус, сдавайся!» А я им: рúли, рúли – четыре дули! Это тебе было пострашнее гипноза. Женька оглядывалась на него, облизывала пересохшие от жары губы, смотрела, как он крепко соединил пальцы. Тётя Тамара поправила дульку на голове, слепила руки и устроила их на продольных полосках своей могучей груди. Конопатый Витька мотылял своими соединенными руками с грязными ногтями, крутил большими пальцами и два раза вытер ими нос. Лёнка с тётя Диной тоже соединили пальцы.

Артист на сцене говорил ровным низким голосом:

– Когда я закончу считать, попробуйте расцепить пальцы рук. Пять, четыре. Если пальцы не разъединятся, волноваться не стоит, я всем помогу.

Женька крепко сжимала пальцы, аж косточки побелели.

– Три, два, – продолжал Гутман, – не волнуйтесь. На счет «один» попробуйте разъединить руки. Один.

Весь зал зашебурился, облегченно вздохнул, замахали кистями рук. Тётя Тамара сзади заорала:

– Коля, Коля, руки не расцепляются.

Женька забыла про свои сцепленные руки и смотрела назад, где дядя Коля пытался разжать тётю Тамарины пальцы. Это ему не удавалось, Тамара обеспокоено хлопала глазами, и губы её нервно дёргались. Тётя Дина молча развела свои руки, Лёнька-Орал тоже и радостно начал ерошить свои и без того торчащие чёрные волосы.

На сцену уже поднялись человек пятнадцать мужчин, женщин и детей. Даже пьяница дядь Митя, случайно трезвый в воскресный вечер, застучал своим деревянным протезом по дощатой сцене, бережно неся перед собой свои руки. Тётя Катя в своей бесстыдной кофточке уже стояла рядом с Гутманом и глядела на него коровьими глазами с покрашенными ресницами. Артист всех их успокаивал и выстраивал в ряд. Дядя Коля подталкивал на сцену свою перепуганную Тамарку.

Женька тоже чего-то полезла, стояла со всеми в ряду, держала руки на животе на косах и тарасила глаза. Увидела маму у задней двери зала, которая приложила обе руки к щекам, качала головой и с волнением смотрела на сцену, на Женьку.

Артист почему-то был весь бледный, потный, он прикоснулся своей мягкой мокрой рукой к сцепленным кистям перепуганных сельчан. Руки разъезжались, люди недоуменно на них смотрели, встряхивали. Женька тоже встряхнула, хотя так и не поняла, сцепились они у неё или нет. Самых перепуганных отпустили со сцены в зал. Женька тоже ушла на свое место, не понравился ей мокрый Гутман, хоть и великий артист, наверное, а щёки его дрожали и по ним стекали капли пота ручейками, оставляя дорожки.

Девять смельчаков остались на сцене, даже тётя Тамара, обалдевшая от счастья, что её руки опять свободны. Вот тут и началось настоящее представление. По команде гипнотизёра добровольные артисты пели арии, плясали, спасаясь от «наводнения» лезли на стулья, задирали штаны и юбки. Семиклассник Юрка-колбасник пытался лезть на кулису, чуть её не оборвал, дурак такой. У дяди Пети, отца Женькиного одноклассника Васьки, под полосатыми штанами носки оказались на подтяжках, которые были застегнуты под коленями. Подтяжки почему-то разного цвета: черная и желтая. Тамарка дядь Колина поднимала свою серую узкую юбку. Юбка так просто не хотела подниматься, так Тамаре пришлось покрутить задницей туда-сюда, чтоб поднять её гораздо выше колен и залезть на стул. Дядя Коля сзади смачно сплюнул:

– Вот лярва, что выкручивает! Томка, подь на место.

Дяди Колин сосед, седой дядька Миша с кочегарки, вытирал обеими руками слёзы от смеха, толкал дядю Колю в бок и сипло шептал:

– Во, спектакля, Николай, растудыть её в качель. Твоя Тамарка задницей круть-круть, как в немецком кинe. Я такие трофейные кинокартины после войны в Москве видал. Ой, матушки мои, а Катька-то, продавщица, опять слободная баба, щас грудями Гутмана сгипнотизирует в кость.

Женька вертела головой по залу: люди раскраснелись, смеялись, шутками перебра-сывались. Она даже привстала, одернула смявшуюся юбку, хотела маму увидеть, но

сзади ей быстро на макушку надавили и воткнули назад в жесткое прибитое кресло. На сцене уже «мылись в бане». Тетя Катя в своей прозрачной кофточке усиленно терла под грудями, которые просто вываливались из капрона. Дядя Миша с кочегарки провалился от смеха в кресле, вытянул ноги и только сипло шептал:

– Ой, растудить её в качель... что ж она там так изгваздалась...

Народ ржал, а дядька Митя, усевшись рядом на первом ряду, стучал протезом и просил тишины.

Когда тетя Тамара пыталась хорошо помыть «мочалкой» между ногами, а юбка не поднималась, она стала расстегивать булавку сбоку, чтобы снять юбку. Женька уже представила тётю Тамару в желтых или розовых панталонах, которые Женька так ненавидит, а мама заставляет их надевать. Вот будет позор... Николай же с криком: «Томка, лярва такая, не раздевайся при людях» рвался на сцену.

Рабочком дядя Дмитрий Иванович в расстегнутом от жары коричневом пиджаке задержал Николая на ступеньках сцены, говорил о чистоте эксперимента. Сеанс с баней прекратили. Намытые разгипнотизированные сельчане под гомон зрителей спускались в зал, Николай со злыми глазами шептал что-то в ухо смущённой Тамаре и толкал её к выходу, Витька с красными веснушками пробирался по ряду вслед за родителями. Все как-то многозначительно улыбались. А дядя Миша вслед сморозил:

– Иди, иди домой Николай, баба уже намытая, готовая...

Тетя Катя плюхнулась на место рядом с Женькой, вlepив свое пышное тело в жесткое сиденье деревянного клубного кресла, одёрнула свою кофточку. Лямки лифчика вылезли из-под комбинации и лежали на круглых плечах хозяйки. На левой груди виднелась большая родинка. Женька решила, что никогда не купит себе такую вещь, не обязательно всем видеть, какое на тебе бельё, где у тебя всякие там родинки-бородавки.

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

Диплом

«ЗА ЯРКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ АТМОСФЕРЫ»

Баканова Любовь Васильевна
Пермский край, г. Соликамск

Чудачество Маркела

Настоящим именем его было библейское Марк, но вся деревня звала по-простому Маркелом. Чудить Маркел начал с трагического для него события: в ту осень молодая жена его Тонечка укатила в город с командированным в колхоз шофером. Над рослым, красивым и добродушным парнем посмеивались: «Колхозу Мишка (шофер) шефскую помощь оказал - может и тебе, гляди, Маркел, подмогнуть!» Маркел любил Тонечку до исступления. Три года семейная пара жила ладно и дружно. Одна закавыка: никак не могли обзавестись потомством.

Маркел всячески старался вернуть Тонечку: не один раз наезжал в город; в отчаянии прибегал к помощи председателя колхоза, нажимая на необходимую сохранность молодых кадров, но все безрезультатно. А вскоре узнал, что Михаил с его женой скрылись в неизвестном направлении. И Маркел стал ... умирать. В первую его «смерть» сестра Арина бежала по улице и голосила: «Умёр! Умёр мой братец! Не выдержало сердечко у родимого!» Сельчане поверили: видели, как страдал мужик. Говорится же: «умирать от ревности». А тут на самом деле Маркел будто умер - лежал, вытянувшись во весь свой огромный рост на длинной лавке, бледный, исхудавший...

- Арин! А чаго ж ты глаза ему не закрыла? - бабка Шориха подошла к Маркелу, потянулась к лицу. От прикосновения холодных старческих рук «покойника» брезгливо передернуло и он вскочил. Крепкие нервы оказались у сельчан: в обморок не упал никто! Зато упала, покачнулась вера Маркелу и когда в очередной раз он умирал или «накладывал на себя руки», сельчане уже не торопились к его хате.

Маркел решил сменить обстановку и уехал жить в город к младшему брату. Но и там не перестал чудить. Однажды в деревню сестре Арине пришла телеграмма: «Срочно выезжайте умер Марк». Арина с мужем было засомневались, но ведь телеграмма - «вещь сурьёзная!» Поехали. Арина потом рассказывала:

«Приехали. Заходим у квартиру. Встречает брат Костя. Обрадовался: скоко лет, скоко зим! И улыбаецца! Тут-то у мене сердце и ёкнуло: штой-то не так! Спрашиваю Костю: а Маркел игде? - Да вон, в зале газетку читаеть! И выходит из зала наш умерший братец. Подобревай, посвежевай да у красной рубахе, ну, прямо молодец удалай! Шурик мой к нему: Што жа ты, Маркел, вытивляешь?! Работы в

деревне непочатый край, должен знать, а мы зазя время тратим, раскатываем по городу... Ить, случись по-настоящему, не дай господи помрешь - не поверим, не приедем!

А ен, братец-то и отвечает моему мужуку: А я вас проверял! Ето была готовность номер один! Одобряю!

Ну што ты с ним будешь делать?! Сели за стол, выпили, посмеялись. А штоб хоть с пользою съездили - купили на базаре ососочка, поросенка...

Однолюб Маркел так и прожил один до старости. Думая о смерти, просил брата: «Токо не вздумай сдать мне у этот... как яго... крелам... кремл... - не мог выговорить непривычное слово.

- Не обольщайся, брат! В Кремль нас не возьмут! - грустно улыбался Константин.

- Я к тому, штоба не жгли мое тело! - продолжал Маркел, - Пусть хоть мертвай, но целай! Не хочу коробку с золой!

Хоронили Маркела на сельском погосте. Чуть поодаль от скопившегося у гроба народа стояла пожилая женщина городского вида. Рядом с нею высокий молодой человек - полная копия Маркела в юности.

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

Диплом

«ЗА ЯРКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ АТМОСФЕРЫ»

Кечина Елена Александровна,
г. Самара

Правильно сказал

Стукнула калитка. Люба по стуку поняла: Коля-Николаша хорошо принял на грудь. Дверь распахнулась, и муж вошёл сильно качаясь, напевая «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветёт».1. В ответ услышал:

- Лучше нету той минуты, когда милый мой придёт2.

Глядя на высокую и статную жену снизу вверх, Николай почесал озадаченно затылок. Люба, закусив губу, проговорила чётко и ясно:

- Ложись спать, завтра поговорим.

Заводик в рабочем посёлке стоял на берегу реки. На следующий день, рано утром, Коля и Люба шли вдоль берега по тропинке молча. В воротах завода стоял сторож Митрофаныч и внимательно смотрел по сторонам:

- Чой-то рано пришли, до начала смены ишшо полчаса.

Колян пробурчал:

- Жена рано разбудила.

Люба сказала негромко:

- Надо к начальству зайти.

И пошла к начальнику цеха Дмитрию Степановичу.

- Здравствуйте, Люба, что случилось?

- Здравствуйте! Дмитрий Степанович, найдите управу на мово мужа Калинкина Николая. Ведь не просыхает, деньги в магазин несёт, выручку Вальке-продавщице увеличивает.

Нахмутив лоб, Дмитрий Степанович задумчиво сказал:

- Может, его квартальной премии лишить? Позови Николая, я с ним поговорю.

Лицо у Любы стало невесёлым:

- Мужа я приведу, вот только премии его не лишайте.

Минут через пятнадцать в кабинет начальника вошёл Николай. Беседа о вреде пьянства была проведена. Дмитрий Степанович не почувствовал раскаяния и сказал строгим тоном:

- А вот лишим мы тебя премии, что скажешь?

Калинкин задиристо ответил:

- Моя прибежала пожаловалась, а денежки-то любит. Лишайте премии, а по вашей вине дети «Красную шапочку» не увидят, вкуса конфет не узнают.

Дмитрий Степанович задумался и приказал:

- Иди в профком, там тебе дадут важное задание, потом отчитаешься передо мной.

Ворча и ругаясь Николай рванул в профком, где его приветливо встретила Татьяна Васильевна:

- Здравствуй, заходи, Николай! Звонил Дмитрий Степанович, передал твою просьбу, что мечтаешь ты сходить в театр на спектакль. Завтра выходной, и вот два билета, забирай!

Николай молча взял билеты и вышел. В обед подошёл к жене:

- Любонька, завтра мы с тобой пойдём в клуб. Приезжает театр к нам.

В субботу день стоял солнечный и безветренный. Нарядные и весёлые Люба и Коля пошли в клуб. Муж и жена сидели в первом ряду.

Спектакль был очень интересный про лошадь. Лошадь стояла в конюшне и грустила.

Николай шепнул жене на ухо:

- Можно было и в театр не ходить, сходил на конюшню, посмотрел на пегого Конька, и вся печаль. Занавес опустился, зрители захлопали и стали расходиться.

Домой пришли затемно. На следующий день Николай вышел в палисадник и увидел через забор соседа. Сергей ремонтировал забор и напевал: «Сынишка милый, умный, славный, читать он любит и играть».

Николай подумал: «Надо Петьке, сыну, напомнить, чтобы не забыл пойти на хор в клуб».

- Здорово, Серёга! Вот вчера в театр ходил, душевный спектакль, про лошадь, да ещё королева к ней в гости пришла со свиньей.

Сосед ухмыльнулся:

- Зачем ходить деньги тратить? А артистки тама красивые играли? Хотя кака красота может быть у лошади, только лошадиная.

Сергей, плотненький и невысокого роста, ловко работал и напевал.

Николай хотел позвать Серёгу в магазин, да передумал. Может, сходить с сыном на репетицию хора? Петюнька выглянул из окна и позвал отца чаёвничать. После чая Николай с сыном пошли в клуб. Шестиклассник Петя уверенно встал в ряды певцов хора. Они пели песню «Там вдали за рекой!».3

Николай уже хотел пойти в магазин, да завклубом Надежда Алексеевна попросила отнести декорации в соседний зал, где шла репетиция спектакля.

Руководитель любительского театра Евгений Семёнович предложил Николаю Калининцу сыграть небольшую роль в спектакле. Николай вдруг вспомнил, что в детстве хотел стать артистом. Евгений Семёнович, видный и симпатичный мужчина, сказал приятным баритоном:

- Николай, не переживай, роль состоит из пары фраз. Ты будешь играть лесника, охраняющего лес. Репетируем сейчас. В следующее воскресенье едем на конкурс любительских театров. Запомни слова: «Берегите лес! Это наше богатство!»

Николай потрясённый вышел из клуба и пошёл домой учить роль. Ночами он спал плохо, всё представлял себя на сцене: вышел и забыл слова. Время прошло быстро. Надо ехать. Люба погладила выходные брюки, рубашку. Нарядный и взволнованный Николай вышел из дома. Дети, Петя и маленькая Анюта, провожали папу, стоя на крыльце.

Артисты любительского театра на автобусе поехали в райцентр.

Выгрузили декорации и стали ждать своего выхода на сцену.

В конце миниатюры Николай в куртке и сапогах, с ружьём вышел на сцену и сказал:

- Берегите лес. Это наше богатство! А лесника Кузьмичёва надо снять с работы, ничего не делает, а своим родственникам разрешает деревья рубить и вывозить.

Наступила тишина. Занавес закрыли. Раздались крики:

- Молодец! Правильно сказал!

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

Диплом

«ЗА ЯРКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ АТМОСФЕРЫ»

Павлова Ольга Геннадьевна,
Алтайский край, г. Барнаул

Василий Иванович, Петька и принципы

(из цикла рассказов – «Деревенский хоровод»)

В деревне назревали военные действия. Всё началось с того, что вызвали председателя в районные органы управления, где далеко не тонко «намекнули», за кого осенью люди должны проголосовать.

Василий Иванович, будучи исполнительным руководителем, сразу же принялся за информационно-просветительскую работу с местным электоратом. Повесив объявление, подготовил речь. Сначала всё было хорошо, народ послушно кивал головой и молчал, слушая вестника власти. Никто не говорил ни «да», ни «нет», но в середине собрания как «чёрт из табакерки» появился тракторист Петька, и началось представление. Деревенский демократ и реформатор рвал на себе рубаху, цитируя лозунги неповиновения, в очередной раз призывая народ не голосовать.

– Где свинарник и коровник, что обещал в прошлый раз? Сегодня опять будешь нас обещаниями кормить? – взывал Петро, вращая глазами и тряся своим чубом.

– Администрация рассмотрела и приняла к исполнению прошлогодние планы, но не было достаточного финансирования, – пытался оправдаться Василий Иванович.

– Ага, сейчас приплетёте мировой кризис и тяжёлое политическое положение. Почему деньги для нашего нового коровника ушли в Африку или ещё куда? Почему лично ты их выпустил из рук, хозяин ты наш?! – увеличивал свой запал смутьян и бузотёр.

Народ с удовольствием слушал обоих. Развлечение начиналось весело. Любительницы вечернего сериала решили пропустить очередную серию, доставая семечки из карманов. В деревне все знали про это великое противостояние, длившееся уже ни один год, и с удовольствием наблюдали за его развитием.

– Я своей Аньке купить шубу не могу! А работаю как вол! Где твой коммунизм и социализм? Ты мне тридцать лет тому назад обещал в светлом будущем шубу для моей Аньки? – Обещал! Давай шубу! – чуть не визжал обманутый обещаниями тракторист.

– Петро, прекращай устраивать балаган! – взревел Василий Иванович, любитель порядка и дисциплины, и обратился к слушателям, – Прошу всех не реагировать на провокации асоциального элемента.

Народ замер на секунду, а потом активизировался. Женщины быстрее начали лузгать семечки, а мужчины учащённо задышали, почёсывая руки.

– Это я элемент?! Час сделаю из тебя Менделеева!– взвизгнул Петро и вцепился в волосы председателя, – за оскорбление ответишь!

Через минуту их мужики разняли, развели по углам и каждого долго успокаивали. Целую неделю народ обсуждал эту ссору. Уже позабыли для чего и собирались. Председатель грозился уйти в отставку, что не устраивало никого. Но Петька ещё больше напугал всех, сообщив, что будет писать в Москву. Правдолюбу надо было добиться окончательного результата, вердикта от Главного! Мужики решили собраться в доме у деда Семёна. Три часа смолили и совещались. Так ничего не решив, договорились, что каждый будет думать, как найти выход из создавшегося положения.

Дед Семён сразу принял своё решение, никому ничего не сообщая. Расскажешь – через час будет знать вся округа, поэтому, не откладывая в долгий ящик, приступил к замыслу своего плана. Два дня он гнал в сарае самогон. Своей жене, Анфисе, приказал приготовить побольше закуски, дня на три. На подготовку задумки требовалось время, но слишком затягивать было нельзя.

Через три дня после собрания, дед Семён зазвал к себе шедшего с работы реформатора, чтобы отметить наступающие выходные. Петька же, к деду относился хорошо и любил с ним посидеть, покурить или выпить. Жаль, только, что его жена часто стояла на страже, чтобы предупредить такие посиделки. Накануне, предприимчивый дед тайком поговорил с Анной, женой тракториста, и она не стала препятствовать временной пропаже мужа ради мира и покоя в деревне.

Пили долго, беседуя, обсуждая всё и всех. Петька, хорошо захмелев, согласился с Семёном, что погорячился слегка, и писать пока никуда не будет. Попев песни, решили навестить Василия Ивановича, поделиться с председателем своим хорошим настроением. Взяв большую бутылку самогона, ввалились к нему во двор.

Хозяин, за три дня остыв и резонно поразмыслив, всё не мог придумать, как бы повернуть ситуацию назад, что была до собрания. Первому идти на мировую не хотелось. Поэтому увидев деда Семёна в обнимку с Петькой, и с бутылкой самогона, даже обрадовался. Выпив с ними, оказалось, что в доме нет подходящей закуски. Пришлось всем троим опять идти к деду, где Анфиса уже приготовила достаточно закуски.

Гуляли в сарае два дня. Самогона было достаточно. Петька обнимал Василия Ивановича и клялся в любви и уважении. Председатель соглашался с Петькиными требованиями и слёзно заверял, что он тут ни при чём, что и его мечты были обмануты. А потом, обнявшись, оба тихо мечтали. Петька видел, как он входит в мавзолей на Красной площади, и выговаривает всё наболевшее тому, кто обещал светлое будущее. Василий Иванович мечтал, как он сидит перед танцующими у шеста девочками и курит кубинскую сигару.

На третий день гулянки, дед от перебора спиртного – заболел. Петька с председателем бережно занесли его в дом и оставили на попечение жены. Анфиса заваривала травы, полученные от местной знахарки Глафиры, а дед Семён тихо лежал в постели, и глядя в потолок думал, как тяжела миссия миротворца.

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ»

Диплом

«ЗА ЯРКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ АТМОСФЕРЫ»

Воробьёва Евгения Леонидовна,
г. Самара

Изгоняющий дьявола

В деревне Фатеевка Саньку Балакина знал и стар и мал. Числился он пастухом в колхозе и, когда был трезв, исполнял свои обязанности без нареканий. Однако, с майских праздников, загудел Санёк не на шутку. Из покосившейся избенки, стоявшей на отшибе, до самой поздней ночи доносились визгливые крики, звуки гармошки и пьяные ругательства. И надо отметить, что во время возлияний Санёк натуральным образом дурел, при том настолько, что начинал ловить чертей. Как на грех, в это самое время, приехала к Саньку городская заочница по переписке. Санёк в свободное от работы и алкогольных возлияний время любил писать пылкие письма в рубрику «Знакомства» одной известной газеты. Оправдывая поговорку, сорокапятилетний технолог из райцентра Инесса была еще той ягодкой: миловидная, стройная, на высоких каблуках. Предчувствуя скорую встречу с «любимым Сашенькой», игривой походкой женщина шла навстречу своему счастью по пыльной деревенской улице, периодически поправляя узкую мини-юбку вниз. У шедшей навстречу бабки Инесса Петровна поинтересовалась, где живет Александр Балакин. На что бабка недоуменно покосилась на Любовь Петровну и спросила, спустя десять секунд раздумья: «Санёк-то? Нашто он тебе? Аа, городская...» Так и не ответив, бабка тихо поковыляла вдаль, посеяв в душе Инессы Петровны первые зерна сомнения.

Так бы и шла Инесса по дороге, покачивая стройными бедрами и дальше, если бы ей не повстречалась деревенская почтальонка Нинка на велосипеде. Нинка была первой сплетницей в Фатеевке и её окрестностях, поэтому пропустить новенькую мимо себя она не имела никакого морального права.

Еще издали заметив стройную женскую фигурку в модном джерси, Нинка покатила прямо к ней, сходу крича:

- Эт ты что ля к Саньку Балакину?

Инесса слегка опешила от такой непосредственности, тем не менее, решив-таки узнать, где живет предмет ее страсти, механизатор Балакин, она чуть растянула поджатые губы в некоторое подобие улыбки и спросила:

- Да, а как Вы догадались?

Нинка с некоторой даже полуиздевкой и бабской ревностью выпалила:

- А чо тут гадать? Вон, еду – вижу тощая, рыжая. Из городу. Я чай знаешь скока

твоих и его писем-то перевозила, тяжести такие, чо уж вы там писали.

- А это, женщина, не ваше дело, - выпалила возмущенная Инесса.

Нинка в свою очередь, смягчилась. Баба она была беззлобная, просто очень уж любопытная.

- Вон, видишь серый дом с краю, за дорогой, туда иди, там твой Санька живет, - уже миролюбиво продолжила Нинка, показывая направление.

Бодро спускаясь с насыпи к дому Санька, взволнованная Инесса чуть не сломала каблук изящной польской «лодочки». Сердце колотилось в груди, как бешенное, щеки зарделись девичим румянцем. Еще несколько мгновений и она окажется в его сильных мужских объятьях.

Подойдя к завалившемуся набок забору, Инесса увидела следующую сцену:

Витька стоял посередь двора, в растянутой майке-алкоголичке, черных семейных трусах до колен. Из широких голенищ резиновых сапог торчали худые волосатые ноги. Одной рукой он размахивал топором, другой, приподняв, словно факел, Санька держал бутылку самогона. Обращаясь неизвестно к кому, Санек дурным голосом орал на всю округу неизвестно кому: «Изыди, дьявол!» и невидяще уставился прямо на Инессу, возникшую в проеме калитки.

- Аааа, вот ты, дьяволица!, - прогремел Санёк.

- За душой моей грешной пришла! Накуси-выкуси, не отдам! И тебя, дьяволица, порешу!, - продолжал греметь Санька.

Отбросив в сторону бутылку, Санёк, расставив руки, медленно пошел на оторопевшую Инессу. Несколько секунд та стояла, как вкопанная, пока внутренний голос не приказал ей «Беги!».

То, как она бежала, вошло в хроники деревни Фатеевка. Обронив чемодан, на сломанных каблуках, она побежала к местному сельпо, откуда через час отходил автобус до города. Добрая продавщица Глафира Матвеевна целый час отпаивала несчастную Инессу валерьянкой, а потом послала местных мальчишек привезти чемодан. Стоя у водительской двери, Матвеевна с высоты своих прожитых лет дала наказ молодой Инессе: «Ты, девонька, не зная броду, не суйся в воду».

Автобус уезжал, и, как в тумане, в дорожной пыли исчезала миражом деревня Фатеевка и ее обитатели.

Номинация «ШУКШИНСКИЙ СТИЛЬ» «ЗА РАСКРЫТИЕ ТЕМЫ ПОИСКА ЧЕЛОВЕКА В ШУКШИНСКОЙ СТИЛИСТИКЕ»

Мария Чалкина, Оренбургская область,
Оренбургский район, с. Подгородняя Покровка

Человек мира

Рассказ

Каждое утро Владимир мыслил.

Не то, чтобы он был такой уж особенный, просто в детстве прочёл в одном учебнике «Я мыслю, а значит, я существую». Он не запомнил, кому принадлежат эти слова, но идея ему понравилась. Поэтому большую часть своей сознательной жизни Владимир мыслил.

Сегодня, например, он проснулся поздно. Посмотрев в окно, он увидел, что солнце уже стоит довольно высоко.

– Нехорошо, – подумал он и потянулся за папиросой. – Моряки встают с рассветом. Поставив пепельницу себе на живот и приподняв подушки, Владимир затянулся раритетным «Беломорканалом». Запас советских папирос он нашёл у деда на антресолях, когда ему выпало счастливое наследство в виде дома в деревне, бани, козы и запорожца. Запорожец Володя немедленно продал, свою городскую однушку сдал и переехал жить в деревню. «Моряку везде место найдется», – рассудил тогда он, рассеянно глядя в сатанинские глаза козы Катьки.

Старый пересохший «Беломор», однако, невероятно драл горло и кашель стал мешать плавному течению мысли. Бросив недокуренную папиросу в пепельницу, уже наполненную такими же едва прикуренными, Владимир достал из-под подушки пачку тоненького Винстона с аква-кнопочкой и с облегчением продолжил мыслить, выпуская ароматный дым в белёный ещё дедом потолок.

«Сегодня надо нарисовать схему... Никак не решусь, а надо взяться. Катамаран – дело не простое... Столько статей уже набрал. Пора делать. Да и материалы почти все есть. Вот весной разлив. Я ж – человек мира, мне нельзя здесь. Гремучий ключ будет пошире, я его с шестом-то и пройду, а там...» Ход его мысли прервал бодрый стук в дверь. Звонкий девичий голосок позвал:

– Володя! Почта! Твой «Географик» пришёл, идём скорее, забирай.

Володя выглянул в окошко и увидел белокурую головку почтальонши Оленьки, которая стояла на веранде, притопывая каблучками и как будто слегка танцуя. В руке она сжимала несколько глянцевого журналов. Светлые кудряшки, растрёпанные осенним ветром, облаком стояли над её головой. Завидев в окне хмурое заросшее черной бородой лицо хозяина дома, Оленька улыбнулась, на её левой щеке заиграла очаровательная ямочка.

Оленька начала работать на почте пять лет назад, сразу как окончила школу.

Здесь, кроме неё, работала ещё одна женщина – Зоя, та была утрюмая и не разговорчивая. Вообще, носить корреспонденцию не входило в Олины обязанности, она была кассиром, а письма и бандероли разносила хмурая Зоя. Но ради Владимира Оля сделала исключение. И всему селу было понятно почему.

Холостой и загадочный Владимир жил на отшибе, в старом деревянном доме. Поселился он здесь недавно. Про него было мало что известно, только то, что он служил на флоте в Севастополе, и что приехал жить в деревню из областного центра, в общем-то и всё. Но маленькую Олю сначала поразила его мощная, высокая фигура, окладистая чёрная борода и чёрные же кудри, а потом и его низкий неспешный голос. Сразу, как переехал, он пришёл на почту и оформил подписку на журналы про путешествия, дальние страны и столярное ремесло. Оля даже слегка растерялась. Никто и никогда здесь не выписывал подобную прессу, только районную газету и кроссворды, а тут... Когда он рисовал в бланке ровным почерком свой адрес, Оля набралась храбрости и спросила его, как он будет успевать читать столько журналов – в деревне-то работы много, а времени мало. На что он, пристально посмотрев на неё, ответил:

– Человек мира должен всё успевать!

«Человек мира»! Её это невероятно заинтриговало, хотя она не совсем поняла, что это значит. Желая узнать «Человека мира» поближе, она выпросила у Зои право носить ему все подписки.

И вот, два раза в месяц Оля здесь – на старой, устланной кое-где прогнившими досками, веранде. Обычно Оля довольно долго ждёт Человека мира, так как сильно торопясь прийти к нему, она является раньше, чем он просыпается. Их беседа длится не более пятнадцати минут, но за это время Оля успешно изучала своего избранника.

Так, она узнала, что он веган. Расспросив про это явление молодого директора школы Павла Александровича, она пришла в ужас от беспокойства за Володю. В деревне просто невозможно так питаться, думала она. Но постепенно она узнала от Владимира, что он и молоко пьёт, и творог есть (не зря же Катька приносит по литру в день горьковатого молока), да и рыбу уважает, и курицей не брезгует. Ибо моряки должны быть сильными, сказал ей Владимир. Она так и не поняла, в чём его веганство заключается. Много она узнавала от него про моря, океаны, горы, реки, пустыни. Такие названия, как Нил, Килиманджаро и Арктика произносились им слегка небрежно. Оля сделала вывод, что он объездил весь мир.

Но больше всего её интриговало его признание в том, что он строит какой-то плот или лодку, и скоро совершит на ней очередное кругосветное путешествие. Оля очень надеялась, что он позовёт её с собой...

На этот раз, желая приблизить заветное приглашение, Оля напекла накануне беляшей. Внезапно, почти ночью, вспомнив слово «веган», она спохватилась и пожарила пирожков с картошкой и салом, поэтому в руках она сжимала не только несколько журналов, но и плотный мешочек и завёрнутыми в полотенце гостинцами.

Пока Владимир одевался и искал тапочки, Оля проверила состояния маникюра, протерла лопушком носы туфель и попыталась спрятать за уши непослушные кудряшки.

– Здравствуй, Ольга. – Владимир перешагнул порог и вышел на веранду, закрыв криво вишащую на петлях, скрипучую дверь. – Ты очень рано, я ещё не завтракал.

– Доброе утро! Так давайте вместе... Я пирожки... принесла, – бодрая Оля немного сникла перед холодным спокойствием Володи и, замолчав, протянула ему свёрток.

Не заметив этого жеста, Володя пошёл по веранде, глядя на небо.

– Рассветает всё позже. Смотри, уже грачи отправились на юг. Скоро и мне пора! – Володя облокотился на перила, а руки спрятал подмышки. Вязаный свитер, надетый наспех на голое тело, неприятно колот грудь. Всё чесалось, было холодно и Володе хотелось обратно в постель читать журналы и мыслить.

– Неужели пора?! – Оля встрепенулась. Она хотела спросить: «А как же я?», но вместо этого спросила: «А пирожки?»

– Наши грачи проводят зиму в Африке, в Танзании. Катаются на спинах слонов, – Володя молча взял пакет с пирожками из рук Оли и, неспеша, спустился с веранды в сад.

На самом деле, садом он называл заросший лопухами дедовский огород, где рассеянно бродила Катька, иногда мекая для разнообразия. Посреди разрушенных грядок росла старая ранетка, а под ней стоял диван, на этот-то диван и отправился Володя. Он хотел по привычке прилечь, но, вспомнив про Олю, сел. Оля с облегчением положила пять толстых журналов на деревянный стол, примостившийся тут же.

– Журналы Ваши пришли, – глядя на то, как Володя уравновешенно ест пирожки, Оля взбодрилась и решила перейти к делу. – А вот тут журнал по судоходству, мне он очень нравится, я его просмотрела внимательно, – выпалила она на одном дыхании.

– Хорошее издание. Он переводной. С американского, лучше бы читать в оригинале, но его сложнее выписать. – Володя так и не предложил Ольге сесть, и она топталась у стола.

– А это правда, что ты строишь корабль? – Оля всё время перескакивала с «ты» на «Вы» и обратно, хотя Володя с первого дня обращался к ней – «ты». Ей это льстило.

– Правда. – Володя доел пирожки и удобно откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову. – Там в сарае у меня циркулярка. Древесину возьму на лесопилке. И не корабль, а катамаран. Весной я пойду по Гремучему ключу, он впадает в Урал, я в этом уверен, а Урал,

– Володя многозначительно поднял бровь. – В Каспийское море!

– А дальше? – Оле показалось, что он вот-вот позовёт её с собой. Она немного упустила тот момент, что катамаран ещё не построен.

– А дальше, милая, всё есть на карте мира... Я вот только не решил, где брать баллоны.

– Баллоны?

– Да, для катамарана. В них воздух и поэтому катамаран не тонет. Это важное преимущество! Но надо, чтобы они выдержали вес. Надо поискать в Интернете. Оля, ты владеешь Интернетом?

– В смысле? Ну, на планшете у меня, там контакт, телеграмм, сериалы смотрю...

– Сериалы?! Контакт?! Это вообще не то. Это – для баранов, Оля. Интернет нужно осваивать, но не быть стадом! Понятно?

– Да. – Оле было стыдно, но она не знала, за что.

– Поэтому у меня и нет персонального компьютера! Ладно, я опять пойду к Павлу Александровичу. Я к нему хожу каждую неделю. Он человек продвинутый, Оля.

Сделав энергичное движение, Володя, однако, остался сидеть на диване.

Оля помялась ещё чуть-чуть и, поняв, что аудиенция на сегодня окончена, робко попрощалась и пошла, не дождавшись «спасибо» ни за почту, ни за пирожки.

По дороге девушка обдумывала разговор. В принципе, ничего нового она не узнала, приглашения даже на чай не получила, не то, что на корабль. Единственное, что Ольга извлекла из этой встречи, это то, что Человек мира ходит к Павлу Александровичу, её приятелю и директору местной школы, «осваивать» интернет.

«А не пойти ли мне к Павлу?! – Решила вдруг она, напрочь забыв о том, что на кассе почтового отделения её подменяет Зоя, – он, может, побольше знает о Володиных планах и, вообще, о нём».

Оля решительно повернула в сторону школы.

– Оленька, я очень боюсь тебя разочаровать. – Павел Александрович был рад гостю, приготовил ей кофе, достал печенье. – Понимаешь, я ведь знаю Володю лучше, чем ты думаешь. Мы учились вместе в педагогическом.

За дверями директорского кабинета пронёсся гул детских голосов: кончились уроки, и дети бежали на свободу.

– Я и не знала, что он – учитель, думала, что моряк.

– Не моряк, а матрос. Нет звания моряка. А на педагога он не выучился. Его отчислили с первого курса.

– Жалко.

– И мне было жалко, он парень талантливый. Но, понимаешь, сирота, и, как ни странно, не привык сам за себя отвечать. О нём в детском доме заботились, ну, там, есть готовят, постель стелят, посуду моют. А в общежитии этого нет. В общем, тяжело с ним было его соседу. И преподавателям тоже. Он лекции пропускал, общественную работу не делал...

– А как же дед?

– Дед, во-первых, двоюродный, а во-вторых, инвалид, одноногий, помнишь же его...

– Как мне жалко его, Паш...

– Ну да... И мне... Ну, в общем, за прогулы его отправили на вольные хлеба. И сразу в армию.

– На флот в Севастополь?

– Да, на флот, только его часть располагалась в Симферополе. Он служил секретарём на складе, а звание, да, «матрос».

– Там он и полюбил море? Корабли?

– Оля, – тяжело вздохнул учитель географии Павел Александрович. – В Симферополе нет моря...

– Так он не объездил весь мир? Не плавал... Бедненький. Он так мечтает...

– Ты добрая! Да, мечтает... А когда вернулся, чуть не проворонил положенную ему от государства квартиру. Ему бывшая учительница помогла. Все бумажки за него носила.

– Павел хотел говорить с Олей прямо, но стеснялся, потому что она ему нравилась, и он боялся, что это всё выглядит нарочным наговором на потенциального соперника.

Оля что-то обдумывала, молча тянула кофе. Вдруг спросила:

– Павел, а пустые газовые баллоны для катамарана подойдут?

– Что?

- Ну, Володя хочет построить катамаран, нужны ёмкости для воздуха, как бы основание плота...
- Оленька, да не построит он никакой катамаран... Ты разве не поняла... Тем более, что до Урала его двести километров везти, а машины у него нет.
- По Ключу ведь можно...
- Гремучий ключ даже в самом широком месте чуть больше метра, и глубины никакой. Это невозможно.
- Ты ж говоришь, все равно не построит...
- Нет, конечно.
- Вот и отлично! – Оля непонятно чему радовалась. – А что с баллонами-то? Они, ну чисто теоретически, подойдут?
- Подойдут. Чисто теоретически. – Павел был озадачен тем, что, не наблюдая в Олином лице разочарования.

Оленька бежала к Человеку мира со свежей почтой. В этот раз она вышла из отделения в двенадцать и застала Володю, сидящего на диване под ранеткой. Он смотрел в небо и почёсывал голову белой козы Катьки, которая как собака положила её хозяину на колени. Отдав журналы, и, наблюдая как он их перебирает, Оля вдруг сказала:

– А я знаю, где взять ёмкости для воздуха!

Володя поднял на неё удивлённые синие глаза.

– Старые газовые баллоны! У них и вес подходящий, и найти их можно по-дешёвке. Я даже нашла где!

Оля под села к Володе на диван.

Человек мира впервые посмотрел на Олю с интересом.

Прошёл год. Оленька также работает на почте, Человек мира также живёт в своём деревянном доме, получая деньги от сдачи городской квартиры. Он всё также выписывает журналы и рисует чертежи катамарана в своей голове.

«Мыслит» Владимир уже реже, теперь он «беседует». А беседует он со своей женой Оленькой, которая с удовольствием пускается с ним в путешествия по миру, сидя за деревянным столом в саду. Правда, сад теперь не заросший, Оля за лето восстановила аккуратные грядочки, и под неспешную вечернюю беседу, она их с удовольствием полела, а потом собирала урожай, и так же неспешно под беседу засолила пятьдесят банок огурцов и сорок – помидор в собственном соку.

Баллоны они пока не купили, так как ещё проект в стадии разработки, постоянно вносятся новые коррективы, меняются детали будущего корабля. Катька ходит хвостиком за своей хозяйкой, а дверь в дом не скрипит и закрывается ровно – Оля её починила.

Павел Александрович иногда заходит к ним и, любуясь на танцующие Олины движения и на её счастливую улыбку, думает с лёгкой досадой: «Странные существа, эти женщины!»

smibs.ru

Библиотека № 23

Севастопольская, 53

+7 (846) 995-40-63

<https://vk.com/club67068835>

<https://vk.com/event184471794>